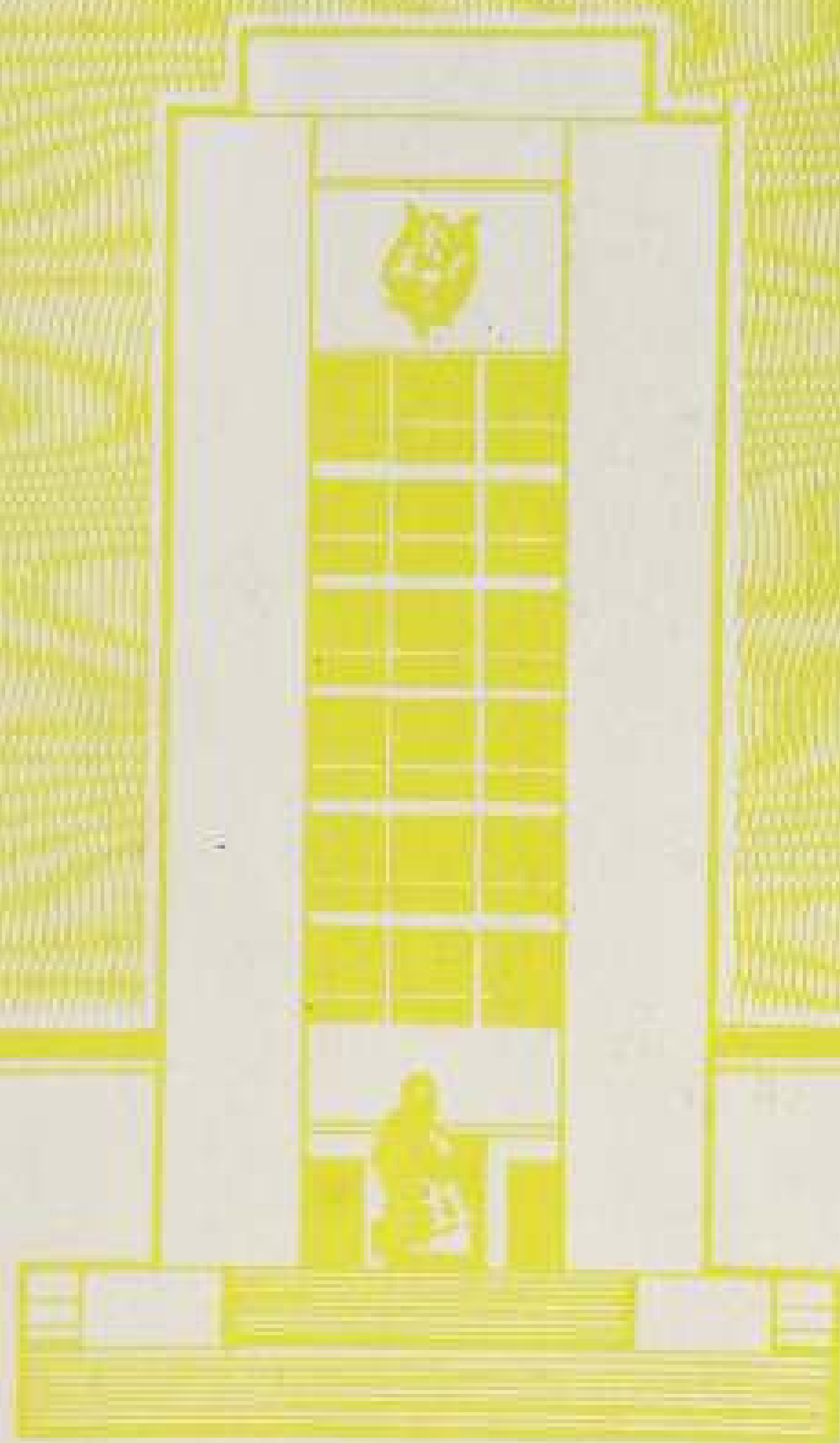

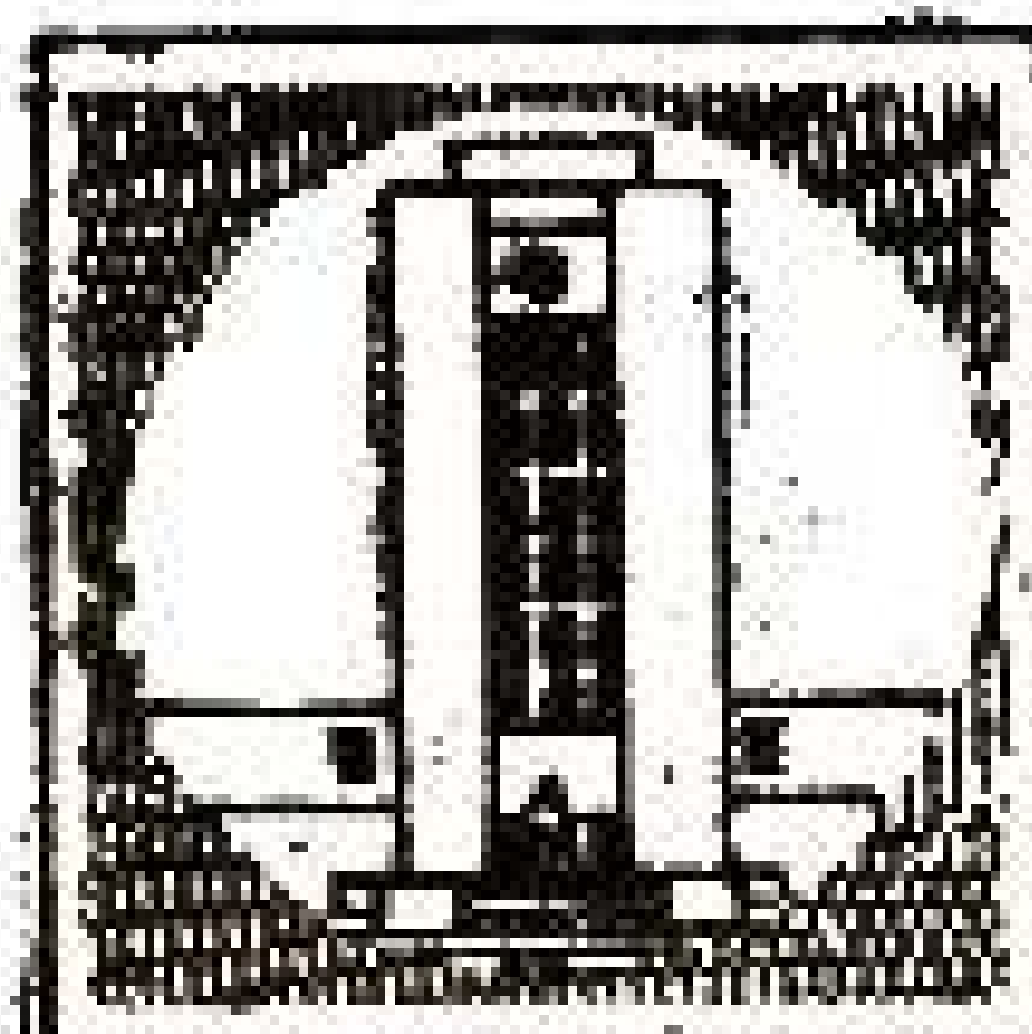
ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4
1994

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1994

4

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Учредитель: Мордовский университет

Основан в январе 1990 г.
Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

УЧЕБНЫЙ ОКРУГ: НОВАЦИИ И ТВОРЧЕСТВО

Наумченко И. Л. Взаимосвязь философия и педагогики в подготовке учителя.

3
6

Глсбочкин М. П. Профессиональная культура учителя.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Экономика

Чалухин А. Н. Региональные экономические интересы и хозяйствование. (На примере Республики Мордовия).

10

Сазанова И. В. Перерабатывающая промышленность в системе АПК России.

14

Философия

Савкин Н. С. Философия ненасилия.

17

Иткин С. М. Духовное производство и религия.

22

История и этнология

Муррабулатов М. В. Этнические процессы у мордвы Башкортостана.

25

Бахлов И. В., Кондратенко Ю. А. Бургузский брак 1477 года.

28

Литературоведение

Кудашова Н. Н. Г. Белье — моралист.

32

Рогачев В. И. О некоторых фрагментах переводческой деятельности М. Е. Евсеева.

34

Языкознание

Злобин А. Н. Использование теории фреймов в сопоставительном исследовании лексико-семантических групп. (На материале немецких и английских глаголов передвижения).

37

Зайчикова Ю. Ю. Реализация коммуникативной установки в диалог типа интервью.

39

Казаева Н. В. Топонимы ойхонимического и стантропонимического происхождения в междуречьях Алатыря, Исаара и Суры.

42

Кемаева С. В. Понимание текста как один из аспектов развивающего обучения.

46

Юриспруденция

Калинкина Л. Д., Узойкин Д. А. К вопросу об организации адвокатуры в Российской Федерации.

49

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

География

Миронова Е. В., Годубчик М. М., Селиверстов Ю. П., Носонов А. М. Приоритетные направления географических исследований в вузах России. (Значение системы грантов).

52

Меркулов П. И., Меркулова С. В. Перспективы ценодиагностических исследований в Мордовии.	55
Фелоришв Н. П., Куряев О. В. Некоторые подходы к микрорайонизмальной территории. (На примере Республики Мордовия).	59
М е д и ц и н а	
Минеев К. П., Баландин А. Н. Значение анатомических особенностей тазовых костей женщины при лечении разрывов лобкового симфиза аппаратами внешней фиксации.	63
Мышлякова О. Г. Опыт применения инжостопа при гипертонических кризах.	65
ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ	
Автайкин И. Е. Кафедра новейшей истории народов России.	66
Бибин М. Т., Осовский Е. Г. Г. К. Ульянов: неизвестная страница биографии. (К 130-летию со дня рождения).	68
Вантюсов Ю. А. Рецензия на книгу: Нетрадиционные формы и методы обучения и контроля качества знаний.	70
Лебедев А. П., Юрченков В. А. Рецензия на книгу: Арсентьев Н. М. За-московный горный округ: заводовладельцы и рабочие.	71

Главный редактор Н. П. Манаркин

Редакционная коллегия

Атясов Н. И., Балашов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь),
Вантюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридов А. Е., Дзасишко Д. В., Иалев В. И.,
Кокорев В. А., Лапшин С. А., Макушкин В. М., Малый А. Ф., Мишанин Ю. А.,
(заместитель главного редактора), Мохин Н. Ф., Наумченко Н. Л., Нестеров С. А.,
Ревин В. В., Савкин Н. С., Селяев В. И., Сухарев А. И.,
Шичкин П. В., Цыганкин Д. В.

Адрес редакции: 430000, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

Сдано в набор 28.11.94. Подписано в печать 19.12.94. Формат 70 x 100 1/16. Бум. газетная. Печать высокая. Гарнитура литературная, журнальная рубленая. Усл. п. л. 5,80. Уч.-изд. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 6,12. Тираж 1 000 экз. Заказ 917. Цена свободная.

Типография Издательства Мордовского университета
430000, Саранск, ул. Советская, 24.

© Мордовский государственный
университет, 1994

УЧЕБНЫЙ ОКРУГ. НОВАЦИИ И ТВОРЧЕСТВО

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИЛОСОФИИ И ПЕДАГОГИКИ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ

И. Л. НАУМЧЕНКО, директор Регионального
учебного округа при Мордовском университете

В 70 — 80-е годы от ученых и преподавателей высшей школы требовалось активно разоблачать буржуазную сущность западных теорий деидеологизации школы и других подобных теорий, создающих видимость «общечеловеческой», «объективной» науки о воспитании, стоящей вне идеологии (Коммунист. 1972. № 10, С. 11). В настоящее время мы стали свидетелями обратного подхода: бывшие «буржуазные теории», кажется, становятся религией многих современных посетителей нравственности и морали, а деидеологизация возводится в ранг непререкаемой философской, педагогической и другой «мудрости».

Деидеологизаторы от философии и педагогики словно забыли о том, что современная система образования в своих основных чертах сложилась под влиянием соответствующих философских идей, сформированных в конце XVIII — начале XIX века. Конечно, в нынешних условиях развития общества эти идеи не могут в полной мере отвечать новым требованиям, но без учета их рациональных моментов едва ли возможно создать прочную интеллектуальную основу для подготовки современного учителя.

Нынешний кризис образования требует обновления его парадигмы, включающей прежде всего подсистему «человек — человек» как важнейшую в общественных отношениях. А это значит, что в условиях коренной ломки общественной формации и ее систем, распада социалистической суперобщности, восстановления национально-

региональных сообществ и культур, разнообразия программ и систем образования как никогда нужна интеграция всех интеллектуальных и духовных сил общества, и в первую очередь философов и педагогов. Без единой, осмысленной нравственно-этической позиции и способов действия тех и других невозможно решение любых задач, тем более интеграции образования.

Что же мы имеем в настоящее время?

Не касаясь проблемы в федеральном плане, а посмотрев на нас лишь с позиции нашего региона, нельзя не отметить такой удручающий фактор, как отсутствие глубокой материалистической убежденности у многих наших идеологов, вследствие чего одни из них легко поддались деидеологическому нажиму; другие растерялись и «уцпили в себя», тешась надеждой, что кто-то другой защитит материалистическую идеологию от козней деидеологизаторов; иные стали апеллировать к прочим идеологическим течениям: кто к богдановскому эмпириомонизму, кто к булгаковско-мережковскому богоскательству, кто к религиозной проповеди духовности. Все это оборачивается большой бедой для высшей школы, где перевертыши-идеологи затуманивают своей «идеологической» путаницей неокрепшее нравственно-этическое сознание студенческой молодежи.

Нам кажется, что главная причина нынешней растерянности философов, смиренного отступления их от некогда бурно пропагандируемого ими марк-

систско-ленинского учения состоит в том, что сами они давно уже деидеологизировали философию, оторвав ее не только от других наук, но и от жизни. Философия у некоторых, даже «маститых», философов давно превращена в старую ухабистую дорогу, по которой и ездить невозможно без должного ремонта, а они ухитряются пробираться, перевоза хлам собственного интеллектуального багажа, меньше всего заботясь о тех инженерах, экономистах, врачах, юристах, кого они старательно «обогащают» философской «мудростью», — всех по одним и тем же конспектам.

Так же априори, без взаимобогащающей связи философии с педагогикой — наукой формирования личности учителя, без знания законов философии образования, принципов и методов обучения и воспитания, учат многие преподаватели философии и будущих учителей. Они и думать не хотят о том, что там, где отсутствует система приложения философии к профилирующей науке (педагогике, экономике, медицине и т. п.), где не учитывается специфика будущей профессии специалиста, нет и философии. В представлении студентов она остается беспредметной и, следовательно, ненужной наукой.

Можно не без основания утверждать, что и современное угасание всеобщего влияния философии на умы и сознание студентов определяется прежде всего тем, что многие ее преподаватели не стремятся обогащать себя теорией и практикой наук, для которых готовят специалистов, особенно педагогики как важнейшей науки о воспитании и обучении молодежи.

Отводя эти упреки, некоторые оппоненты-философы ссылаются на программу вузовского курса философии, утвержденную Госкомитетом СССР по народному образованию в 1991 г. Действительно, эта программа включает лишь общетеоретические разделы: «Философия и ее история»; «Философское понимание мира»; «Деятельная сущность человека»; «Общество и че-

ловек». Однако в разделе «Деятельная сущность человека» открывается прекрасная возможность раскрыть интегрирующие функции практики, профессионального опыта, дать конкретное «приложение» знаний к разносторонней профессиональной деятельности. Нетрудно понять, что недооценка важности такого «приложения» обедняет и философию как науку, делает ее беспредметной.

Не в обиду философам хочу заметить, что педагоги более устойчивы в своей профессиональной и нравственно-этической последовательности, поскольку свое научно-педагогическое мировоззрение они обогащают философией. Между тем некоторые философы, ошибочно полагая, что, став таковыми по своему образованию, уже ухватили бога философии за бороду, высокомерно поглядывают на педагогическое, экономическое, медицинское и другое «приложение», без которого философия, как сказано выше, теряет свою научно-практическую значимость. Еще хуже, когда философы, читающие курс лекций будущим учителям, не имеют элементарного представления о методологической сущности, принципах образования и воспитания, об истории развития педагогической мысли, о философских взглядах классиков педагогики. Не владея всем этим, не зная содержания программ смежных наук, невозможно раскрыть, показать на практике примененные важнейшие законы диалектики в педагогике, достаточно основательно изучить философию.

Хотелось бы в этой связи вспомнить добрым словом покойного профессора А. Л. Киселева. Читая свои учебные курсы (он — философию, я — педагогику), мы уточняли содержание их программ как с целью устранения дублирующих разделов, так и в плане взаимобогащения наших наук. Все это качественно улучшило учебный процесс, повысило интерес студентов к этим наукам, а следовательно, и степень их усвоения.

В нынешних условиях особое значение приобретает знание основных

тенденций изменений в сфере образования. Рассматривая эту проблему за круглым столом, материалы которого опубликованы в журнале «Вопросы философии» (1992. № 2), В. М. Розин вычленил три такие тенденции в сфере образования:

«Во-первых, мировую тенденцию смены основной парадигмы образования (кризис классической модели и системы образования, разработка новых фундаментальных идей в философии и социологии образования, в гуманитарной науке, создание экспериментальных и альтернативных школ). Во-вторых, движение нашей школы и образования в направлении интеграции в мировую культуру (демократизация школы), создание системы непрерывного образования, гуманизации и компьютеризации образования, свободный выбор программ обучения. Третья тенденция состоит в восстановлении традиций русской школы и образования». При этом автор акцентирует внимание на «методологической и методической школе» конца XIX века, на гуманизации технического образования и т. п. Знание этих тенденций и учет их в преподавании как философий, так и педагогики существенно обогатят кругозор не только студентов, но и самих преподавателей.

Еще большей бедой педагогического образования является положение, при котором не только философы, но и педагоги учат будущего учителя, не имея собственного опыта школьной работы. Примеров этому немало. Некоторые преподаватели психолого-педагогических кафедр, чья основная академическая нагрузка состоит из руководства школьной педагогической практикой студентов, а главная задача заключается в обучении будущих учителей профессиональному мастерству, «учат» этим умениям по представлениям, заимствованным из методической литературы: анализируют и оценивают студенческие уроки, не испытывая радости проведения хотя бы одного собственного урока; разрабатывают мудреные «модели» учителя, никогда не примерив их к собственной

персоне. Нетрудно представить профессиональный уровень педагогической подготовки студентов у таких преподавателей.

В последнее время многие университетские идеологи все шире вторгаются в систему образования именно с целью «приложения» своей науки к школьной и вузовской практике. В немалой степени такая интеграция стимулируется созданным при Мордовском университете Региональным учебным округом, объединяющим преподавательские коллективы вузов Мордовии и свыше 60 инновационных учебных заведений (гимназий, лицеев, колледжей), базовых школ, училищ, техникумов. В его составе функционирует 25 научно-методических секций, в том числе и такие методологические, обществоведческие и психолого-педагогические секции, как секция философии, возглавляемая заведующим кафедрой философии профессором Н. С. Савкиным; секция «История Отечества. Общество и человек. Основы современной цивилизации» во главе с доктором исторических наук Н. В. Заварухиным; секция культурологии (доцент О. Г. Беломосова); психологического обеспечения учебного процесса (доцент К. М. Романов) и другие.

Объединив в своем составе ведущих ученых-философов, обществоведов, культурологов, педагогов и психологов, а также учителей обществоведческих дисциплин, названные секции вплотную занялись интеграцией различных сторон гуманитарного образования, что позволило им более глубоко проникнуть в систему приложения философских и других знаний к профессиональной практике. Решение данной задачи осуществляется как путем разработки учеными и учителями соответствующих предметных учебных программ обучения учащихся и студентов, подготовки и издания учебно-методических материалов, пособий и учебников для инновационных учебных заведений, так и, что особенно важно, посредством непосредственного включения профессоров и доцентов в

различные виды конкретной учебно-практической работы в гимназиях, лицейях и колледжах (в бизнес-классах, в классах правового, аграрного, экологического, инженерного образования и т. п.).

В этих условиях значительно повышаются требования к вузовским педагогам и психологам, которым надлежит оказать действенную помощь своим коллегам с других кафедр в овладении опытом учительского мастерства (проведения уроков разных типов, выполнения различных видов учебно-практических занятий и т. п.). А это в свою очередь ставит вопрос о создании хорошо организованной системы внутривузовского образования препода-

вателей и аспирантов, качественной переоценки содержания вузовской педагогики и психологии, ориентированной на интеграцию разнопрофильных региональных систем образования и интеллектуального потенциала учебных заведений.

Только целенаправленная, соответствующим образом спланированная интеграция региональной системы образования и включение в нее философов, социологов, теоретиков обновленной школьной и вузовской педагогики, а также представителей других направлений образования помогут разработать теорию и менеджмент системы образования, создать ее новый облик.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЧИТЕЛЯ

М. П. ГЛЕБОЧКИН, кандидат философских наук

Проблеме подготовки и повышения квалификации педагогических кадров в последнее время уделяется достаточно серьезное внимание. И все же приходится признать, что нерешенных вопросов еще много, а уровень профессиональной подготовки современного учителя явно отстает как от требований общества, так и от запросов самой школы. В связи с этим в данной статье предпринимается попытка поставить некоторые принципиальные проблемы, связанные в первую очередь с профессиональной культурой учителя средней общеобразовательной школы.

К анализу сущности личности, источников и путей ее развития имеются два основных подхода. Первый, основанный марксизмом, состоит в том, что человек понимается как совокупность общественных отношений, и поэтому источник его развития видится в воздействии на него различных внешних условий, социальной среды. Этот подход, как известно, достаточно полно рассмотрен в отечественной лите-

ратуре. Второй подход получил обоснование в западной социологии, в частности в научной деятельности Римского клуба. Он заключается в том, что источник развития личности видится в ее внутренних резервах, связанных с возможностями ее самосовершенствования и формирования определенных положительных качеств. Если согласиться с данным утверждением, то надо признать, что выход из многих сложных проблем современности не столько в изменении внешней среды, сколько в развитии положительных качеств и способностей личности, в возможностях ее саморазвития. Что касается этого подхода, то надо признать, что он у нас практически не рассматривался. Между тем думается, что при более внимательном отношении к внутреннему миру личности могут открыться большие резервы ее развития, и в частности повышения профессиональной культуры учителя.

В Мордовском университете разработана комплексная программа по подготовке и повышению квалифика-

ции учителей. Ее реализация строится на основе общей модели личности учителя, которая учитывает его внутренние человеческие качества, а также существенные сдвиги в обществе и школе. На наш взгляд, модель личности учителя в самом общем виде включает следующие основные компоненты: индивидуально-личностные, общие личностные и профессионально-личностные.

В структуру индивидуально-личностных качеств входят: черты характера, интересы, потребности, идеалы, психологическая культура, включающая культуру мышления, памяти и т. д.; эмоционально-волевые свойства и т. п. Совокупность базовых психологических особенностей и индивидуальных свойств личности учителя рассматривается нами как потенциальная основа его профессиональной пригодности. Блок этих качеств необходим для того, чтобы определить способность субъекта к педагогическому труду. Если он обладает необходимыми качествами, то приобретение нужных профессиональных знаний и опыта — дело времени. Отсюда вытекает весьма важный практический вывод: профессиональная ориентация и тем более профессиональный отбор должны начинаться с выяснения психологических качеств будущего учителя. Для этих целей следует разработать четкие критерии, специальные тесты и конкретную методику их применения. Пока же надо признать, что преподаватели психологии и педагогики не включаются в приемные комиссии учебных заведений, более того, даже характеристики, которые давала школа для поступления в педагогические вузы, в последнее время отменены.

В структуру общих личностных качеств учителя входят гражданская зрелость, высокий моральный облик, гуманизм, духовное богатство и другие черты. Блок нравственных качеств педагога фиксирует его моральную позицию и основные принципы: честность, справедливость, ответственность, патриотизм, скромность и т. д. При этом замечено, что имеется тес-

ная взаимосвязь между этическими принципами и результатами педагогического труда. Дело в том, что этические установки влияют на характер человеческой деятельности, а главное — на формы ее мотивации.

К профессионально-личностным качествам учителя относятся: любовь к детям, интерес к педагогической деятельности, глубокие профессиональные знания, умения и навыки, педагогическое воображение, интуиция, творчество, наблюдательность, педагогический такт, душевная щедрость, требовательная доброта и т. п. Важно не просто наличие или отсутствие этих и других профессиональных качеств. Еще более существенное значение имеет отношение учителя к своей профессиональной деятельности.

В теоретической модели личности учителя мы выделили три основных блока качеств: на первом месте — индивидуально-личностные; на втором — гражданские и этические; на третьем — профессиональные. Такая последовательность имеет внутреннюю логику. Она состоит в том, что на индивидуальные качества опираются гражданские и этические принципы, которые определяют мотивацию всей профессиональной деятельности педагога.

В этой связи представляет интерес мнение самих учителей об общих и профессиональных качествах современного педагога. В 1988 году нами было опрошено более 500 учителей и руководителей школ Мордовии. На вопрос анкеты: «Какие качества в свете реформы школы, с Вашей точки зрения, должны отличать современного учителя?» — были получены следующие ответы (%):

1) глубокие профессиональные знания и хорошая практическая подготовка — 87,0;

2) любовь к детям — 83,3;

3) постоянное самобразование — 67,1;

4) творческое отношение к работе — 61,8;

5) умение вести воспитательную работу — 57,7;

6) умение интересно вести занятия

и внеклассную работу — 55,7;

7) широкая эрудиция и высокая эстетическая культура — 53,3;

8) высокие моральные качества — 47,4;

9) знание педагогики и психологии — 41,3;

10) высокая общественно-политическая активность — 35,0;

11) духовная щедрость — 34,1;

12) самоотверженность — 21,1;

13) научная активность — 15,9;

14) другие качества — 1,7.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что большинство опрошенных первое место отдали профессиональным знаниям. Что же касается гражданских и нравственных качеств, то их в ценностной иерархии респонденты поставили лишь на восьмое место. Такая расстановка приоритетов человеческих качеств нам представляется не случайной. Скорее всего, она отражает сложившиеся представления о месте и роли этических принципов в нашем обществе и свидетельствует об их недооценке. А ведь еще М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал тесную взаимосвязь и взаимовлияние этических норм и характера человеческой деятельности. Он доказал, что честность, верность данному слову, пунктуальность, прилежание, умеренность — эти и другие качества, закрепленные в протестантской этике, стимулируют добросовестный труд и служат развитию экономики.

Между тем в нашей социологической литературе влияние этических принципов на характер педагогической деятельности и ее мотивацию в таком плане, насколько нам известно, еще не рассматривалось, и не случайно в советской школе стало возможно такое явление, которое получило название «процентомания» и превратилось в серьезный порок нашей школы. Так, например, по данным наших исследований, среди причин, мешающих успешному проведению реформ в школе, учителя поставили на четвертое место формализм в работе и «процентоманию» в оценке знаний учащихся.

Опасность рассматриваемого явления состоит, на наш взгляд, и в том, что она, возникнув в школе, в различной модификации может повториться и вне ее, когда, скажем, государство делает вид, что оно платит за труд, а граждане делают вид, что они хорошо работают. Поэтому формирование высоких этических норм приобретает не только и, пожалуй, не столько духовное, сколько экономическое значение.

Рассматривая отношение протестантов к профессиональной деятельности, М. Вебер заметил, что для них в понятии «профессия» заключена оценка, согласно которой выражена долг в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека. Думается, что для учителя в связи с характером и спецификой его труда отношение к своей профессии как к высшей нравственной задаче, когда она рассматривается и как гражданский долг, и как личное призвание, приобретает важное социальное значение.

Что же касается структуры профессиональной культуры учителя, то она включает в себя в виде отдельных компонентов творческое отношение к работе, специальные и психолого-педагогические знания, умения и навыки.

Профессия учителя как по характеру, так и по содержанию творческая, она не терпит стереотипов мышления и шаблона в работе. Это понимают и сами учителя. Так, например, по нашим данным, творческое отношение к работе они поставили на четвертое место среди других важных качеств педагога.

И хотя в наше время учитель получил значительный простор для творчества, однако оказалось, что на практике им могут воспользоваться лишь немногие. Такое положение в школе, конечно же, не случайно. Прежде всего надо признать, что долгое время педагогическое творчество, если оно не было санкционировано «сверху», не только не поощрялось, но и сознательно сдерживалось. К тому же надо отметить, что многим учителям не хватает для творчества ни времени, ни

общей культуры, ни специальных знаний. Значительная доля вины в этом лежит, безусловно, и на высших учебных заведениях, где до последнего времени данной проблеме не уделяется должного внимания. Учебный процесс в них далеко не всегда органически сочетается с научной деятельностью, в которую широко вовлекались бы студенты.

Пока творческий поиск у современных педагогов наиболее четко проявляется, пожалуй, в отношении опыта учителей-новаторов. Абсолютное большинство учителей (70,5 %) считают необходимым полнее раскрывать опыт работы передовых учителей в педагогических институтах и на факультетах повышения квалификации.

Менее распространенной формой педагогического творчества является научная деятельность. А между тем о необходимости сочетания учителем функций школьного работника с функцией ученого неоднократно говорили многие представители педагогической мысли, в частности В. А. Сухомлинский. По его мнению, чтобы педагогический труд давал учителю радость, чтобы повседневное проведение уроков не превращалось в скучную, однообразную повинность, надо вывести каждого учителя «на счастливую тропинку» исследователя. Научная работа расширяет диапазон профессиональных интересов, благотворно влияет на учебно-воспитательный процесс, способствует его постоянному совершенствованию. Участие в научной работе (пусть в самой элементарной форме) позволяет снять существующие противоречия между учителями и учеными, когда научные рекомендации в школе воспринимаются настороженно или совсем игнорируются.

Важнейшей составной частью профессиональной культуры учителя выступает его специальная подготовка, т. е. знание того предмета, например истории, математики, физики и т. д., который он преподает. И хотя специальной подготовке традиционно уделялось много внимания (достаточно отметить, что на это отводится около 70 % учебного времени), ее уровень и содержание вызывают озабоченность. Так, по нашим исследованиям, лишь каждый второй учитель Мордовии признал ее достаточной. А ведь образование, если оно не дает глубокой специальной подготовки, лишается всякого смысла.

Слабым местом в профессиональной культуре учителя остается его психолого-педагогическая и методическая подготовка. Следует отметить, что только 16,3 % опрошенных учителей считают ее достаточной. Такая оценка не случайна. Если проанализировать типовые учебные планы, то обнаружится, что на психолого-педагогический и методический цикл отводится 11 — 13 % учебного времени. Видимо, необходимо более четко определить содержание этих курсов с учетом достижений современной психологии и передовой педагогической практики (например, опыта учителей-новаторов).

Таким образом, начавшиеся изменения в профессиональной культуре современного учителя, повышенное внимание к его внутренним человеческим качествам станут залогом эффективного выполнения им своего профессионального долга, который, по образному выражению А. Блока, состоит в том, чтобы «безличное воссоздать».

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
И ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

А. Н. ЧАЛУХИН, кандидат экономических наук

Рыночные отношения, складывающиеся в Республике Мордовия между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ, проявляются прежде всего как экономические интересы личности, обособленного субъекта хозяйствования, т. е. трудового коллектива, и региона в целом. В связи с этим учет количественной и качественной формы экономических интересов при формировании и развитии рыночных отношений — важная задача законодательных, финансовых, плановых органов. Как показывает анализ, в хозяйственной практике они недооценивают их роль в активизации развития производительных сил. Выступая побудительными мотивами развития на-

родного хозяйства, экономические интересы в настоящее время слабо воздействуют на улучшение территориальных условий производства, на рост производительности общественного труда. Так, в промышленности Мордовии за период с 1991 по 1993 год производительность труда уменьшилась на 11 %.

Прибыль, заработная плата, капитальные вложения и другие показатели и стимулы экономических интересов учитываются не в комплексе, а они взаимосвязаны и влияют друг на друга, в связи с чем требуется разработка соответствующих программ регулирования и управления экономическими процессами (табл.):

Т а б л и ц а

Воздействие экономических интересов на развитие экономики Мордовии

Важные перспективные цели	Стимулы, средства воздействия	Отраслевое и региональное руководство
Рост массы прибыли	Капвложения. Внедрение новой техники, технологии	Российское и республиканское инвестирование
Увеличение реальной заработной платы	Рост производства и производительности общественного труда	Российские и региональные программы
Соответствие общенациональным интересам страны		Финансово-кредитная политика. Регулирование инвестиций
Поддержка ведущих отраслей	Госзаказ, капвложения, налоговые меры, займы, субсидии	— « —
Передислокация предприятий	— « —	Региональные программы
Структурная перестройка отраслей народного хозяйства	— « —	Внутри- и межрегиональное регулирование экономических связей

Проблема реализации экономических интересов в регионе связана прежде всего с распределительными отношениями, включающими систему отношений между людьми, коллективами, отраслями, регионами страны, регионом и центром по использованию и потреблению средств и результатов производства.

Статистические данные свидетельствуют, что система распределения стоимостной величины произведенного продукта в Республике Мордовия не в полной мере отвечает интересам товаропроизводителей. Налоги, банковские проценты, цены плохо воздействуют на побудительные мотивы предпринимателей. Об этом свидетельствует падение объемов промышленного производства в республике за период с 1991 по 1993 год на 29,4 %. Следовательно, актуальной проблемой на современном этапе развития производительных сил является выявление и изучение противоречия между системой экономических интересов и распределительными отношениями.

Что же надо сделать в целях улучшения развития производства и распределительных отношений? Прежде всего необходимо правильно распределять вновь созданную стоимость в сфере материального производства на заработную плату и различного рода начисления на нее, на прибыль предприятия, отчисления в бюджет республики, России. Эта система производственных отношений тесно связана с функционированием населения, предприятий, региона и страны в целом. Следует отметить, что из-за несовершенства экономических распределительных отношений ее производство и потребление (в сопоставимых ценах) на территории Мордовии с каждым годом уменьшается, в результате потребности народного хозяйства удовлетворяются не в полной мере. Госбюджетные денежные средства республики не позволяют поддерживать эффективную работу предприятий, организаций непроизводственной сферы, наиболее полно удовлетворять общереспубликанские потребности насе-

ления в спортивных мероприятиях, охране здоровья и т. д.

Сколько же вновь созданной стоимости надо оставить предприятию, сколько перечислить в бюджет региона и России, чтобы воспроизводство материальных благ осуществлялось на расширенной и качественной основе?

По действующей методике ставка налога на прибыль, зачисляемая в бюджет Мордовии, составляет 25 %, а в бюджет Российской Федерации — 13 %. Практика показывает, что эти нормативы малодейственны для развития экономики: объемы производства продукции падают как в республике, так и в стране.

На наш взгляд, целесообразнее в госбюджеты разных уровней перечислять деньги не от прибыли, а от вновь созданной стоимости. Благодаря этому можно лучше учесть интересы работника; предприятия, региона и государства. Сейчас нарушены соотношение и эффективная взаимосвязь между заработной платой и прибылью; влияние прибыли на рост производства и так далее, в результате чего тормозится расширенное воспроизводство материальных благ.

В целях удовлетворения экономических интересов республики и страны, стабилизации инфляционных процессов, по нашим расчетам, необходимо, чтобы один авансируемый рубль в сфере материального производства создавал новую стоимость в течение года в размере не менее 90 копеек. Часть новой стоимости (более 40 %) должна оставаться на предприятии, другая часть (около 30 %) идти на заработную плату работникам, третья (20 %) — в территориальные бюджеты Мордовии, четвертая (10 %) — в бюджет страны.

В связи с этим целесообразно изменить бюджетную политику России по отношению к регионам: перейти к адресному принципу формирования и использования бюджетных средств. Это позволит предъявить определенные требования к сфере материального производства: товаров должно быть произведено столько, чтобы содер-

жащейся в них вновь созданной стоимости вполне хватало для нормального проживания людей и для развития экономики. В настоящее время государственные, коллективные и частные предприятия на территории Мордовии мало производят товаров для населения. По нашим расчетам, например, более 90 % верхней и нижней одежды поступает из-за ее пределов.

Неоднократная перекупка товаров, налоговая система деформировали вновь созданную стоимость в товаре — прибыль и другие элементы, входящие в нее, стали носить искусственный характер. Поэтому экономический интерес у работников и предпринимателей прежде всего должен быть связан с производством товаров, с факторами, влияющими на его рост, увеличение прибыли и заработной платы, снижение стоимости товара. Стоимость товара проявляется через обмен на рынке, через цену. Последняя складывается под воздействием спроса и предложения. В свою очередь спрос оказывает влияние на производство товаров. Но парадокс современного состояния развития экономики состоит в том, что потребность в товарах со стороны населения и предприятий есть, но у них нет денег, чтобы купить их. По данным Мордовского республиканского управления статистики, 80 % простоев цехов на предприятиях связано с трудностями в сбыте продукции из-за неплатежеспособности потребителей. В республике под воздействием этого и других факторов уменьшился выпуск автосамосвалов на 71,3 %, транспортных прицепов — на 91,6, электроламп осветительных — на 35,3 %.

Сложившаяся диспропорция между ценами товаров на рынке и количеством денег у покупателей не только тормозит развитие производства, но и снижает материальное благосостояние населения.

Что необходимо предпринять, чтобы исправить положение? Во-первых, улучшить приемы, методы работы с учетом условий рынка; во-вторых, разработать баланс предложения и спро-

са, в котором должны найти отражение материальные и денежные ресурсы и цены. Это позволит балансировать материальные и денежные потоки в народном хозяйстве.

В настоящее время реальные экономические интересы (снижение затрат на один рубль продукции, качество товаров и т. д.) недостаточно полно реализуются через рыночные отношения — цены, прибыль. Об этом свидетельствуют такие факты. Затраты на один рубль продукции в 1993 году увеличились по сравнению с 1992 годом на 5,6 %. Государственной инспекцией по торговле, качеству товаров и защите прав потребителей во втором квартале 1994 года наложено штрафов на виновных в выпуске некачественных товаров народного потребления на 15,3 млн. руб. В целях снижения себестоимости, повышения качества товаров необходима конкуренция между товаропроизводителями. Кроме того, надо создать новую систему экономических отношений, связанную с внедрением прогрессивной техники и технологии.

Опыт свидетельствует: экономические интересы людей двигают развитие экономики тогда, когда материальная и нетрудовое производство сферы наиболее полно удовлетворяют потребности человека, способствуют гармоничному его развитию. В настоящее время многие негативные явления объясняются неразвитой экономикой, низким материальным, культурным уровнем населения, слабой трудовой активностью. На наш взгляд, новые стимулы к труду, развитие хозяйства на основе экономических законов будут способствовать росту производства, повышению производительности труда. Но это не произойдет само собой. Как известно, за последние три года в экономике Мордовии не происходит не только совершенствование производительных сил, но и улучшение экономических рычагов хозяйствования. Это негативно воздействует на рост эффективности производства, на качественную сторону грибовочного продукта — главный источник экono-

мического роста, за счет чего должно происходить обновление и расширение производства.

Выход из создавшейся ситуации видится в следующем. Надо создать на предприятиях, в министерствах, экономических службах условия для реальной власти экономических законов. Так, нарушение законов стоимости, спроса и предложения и других, некомплексное их применение при установлении цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию приводят к нарушению товарно-денежных отношений, к уменьшению объемов производства. Например, по данным Государственного комитета по экономике Мордовии, республике ежегодно требуется 9 тыс. т зерна гречихи и 6 тыс. т зерна проса, производится же его соответственно 30 и 50 % от потребности. У работников села нет заинтересованности в их выращивании из-за низкой закупочной цены.

Государство цены на продукцию, производимую предприятиями, устанавливает или ниже, или выше рыночных. Это обуславливает в первом случае необходимость дотирования, во втором — неоправданно высокую прибыль, что препятствует удовлетворению первоочередных нужд, порождает разнонаправленность интересов, мешающую нормальному функционированию сфер народного хозяйства. Так, уровень рентабельности за период с 1991 по 1993 год в акционерных обществах «Сарэкс», «Саранский завод автосамосвалов», «Саранский завод "Резинотехника"», ПО «Мордовцемент» возрос в 2 — 3 раза. Однако, несмотря на искусственный рост прибыли, объемы производимой продукции падают, на расчетных счетах не хватает денег, чтобы расплатиться с поставщиками сырья, материалов, топливно-энергетических ресурсов.

Особенно плохо обстоят дела на предприятиях сельского хозяйства, пищевой промышленности. Так, уровень рентабельности производства масла сливочного составляет 9,0 %, сыра и сырковой массы — 3,4, сметаны — 6,0 %. Убыточно производство сливок, творога жирного и полужирного. Низкая рентабельность, убыточность производства нарушают процесс воспроизводства, сокращают объемы производимой продукции.

Интересы товаропроизводителей, торговых, налоговых и других служб должны реализоваться в разумном соотношении. Например, на Саранской швейной фабрике в 1993 году себестоимость шерстяных брюк составила 298 руб., а оптовая цена — 639 руб. Прибыли в расчете на одно изделие фабрика получила 341 руб. А розничная цена этих брюк была уже выше 1500 руб. Прибыль, налоги, разного рода наценки в пять раз превышают издержки производства. Это явление ненормальное, оно обуславливает инфляцию, фабрики совместно с торговыми, финансовыми учреждениями присваивают часть стоимости, созданной другими, например овцеводческими хозяйствами. В результате в последних возникают затруднения с оплатой труда работников, с содержанием овец, что в конечном счете приводит к сокращению объемов производства шерсти, а это отрицательно скажется на обеспечении фабрики сырьем.

Таким образом, некомплексная, негармоничная реализация экономических интересов, несовершенство финансовых отношений, ценообразования в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ снижают эффективность общественного производства и жизненный уровень народа.

ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ АПК РОССИИ

И. В. САЗАНОВА, аспирант

Идея преобразования целых экономических районов в агроиндустриальные родилась в конце 20-х — начале 30-х годов, в период создания агроиндустриальных комбинатов. Вернулись к ним в несколько трансформированном варианте в середине 60-х годов. Предполагалось выделить так называемые сельскохозяйственные комплексы, под которыми понималось сочетание взаимосвязанных и территориально сопряженных друг с другом сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Однако при этом не вносилось приемлемых предложений о преодолении ведомственной разобщенности и отходе от преимущественно административных методов управления.

В начале 70-х годов появилась концепция перехода к целостному управлению территориальным АПК с последовательным внедрением принципов хозяйсчета и экономических методов централизованного регулирования, к новым организационным и экономическим формам при сложившейся системе хозяйственных отношений. Такой подход в известной мере противоречил преобладавшей в то время практике создания в сельском хозяйстве и обслуживающих производствах многочисленных специализированных объединений, трестов, разрывавших естественные, обусловленные необходимостью рационального использования земельных, трудовых и материальных ресурсов территориальные связи.

Сегодня АПК представляет собой совокупность взаимосвязанных отраслей, осуществляющих производство, транспортировку, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции, а также производящих средства производства для сельского хозяйства и занимающихся его материально-техническим обеспечением.

При всем многообразии методологических подходов к формированию региональных агропромышленных комплексов одним из основополагающих является принцип технологической завершенности. Он предполагает формирование в каждом регионе замкнутого производственного цикла: производство — переработка — хранение — реализация, конечная цель которого — сокращение потерь, которые сейчас, по данным Европейского банка реконструкции и развития, составляют: по зерну — 30 %; по картофелю — 45 %; до потребителя не доходит 1/3 надоев молока, 14 % мяса [3, с. 22]. Практика развитых стран показывает, что именно сокращение потерь произведенной продукции, а не наращивание ее объемов позволяет лучше обеспечить население продовольствием.

Доведение продукции АПК до потребителя — сложная проблема, решение которой сдерживается прежде всего отсутствием развитой сети переработки. Удручающее положение во всех отраслях пищевой промышленности отчасти обусловлено тем, что на протяжении многих лет в эту сферу вкладывались незначительные средства. Если в США в расчете на 1 доллар, направленный на развитие сельского хозяйства, приходилось вложений в переработку сырья 1,3 доллара, то в России на 1 рубль — немногим более 10 коп. [8, с. 29].

Техническая оснащенность перерабатывающей отрасли остается очень низкой. Износ основных фондов превышает 40 %. В последние годы уровень их обновления практически не меняется. Коэффициент выбытия основных промышленно-производственных фондов в 1992 году составил 2,1 % [6, с. 43]. Средний срок службы оборудования в пищевой промышлен-

ности России составляет 13 — 15 лет, в США — 6 — 7 лет [10, с. 43].

Низкий уровень организации производства, необеспеченность сырьем обуславливают неполное использование производственных мощностей. Так, в 1993 году в Республике Мордовия мощности по выработке цельномолочной продукции использовались на 33,2 % против 82,3 % в 1990 году, по выработке мяса скота — 38,8 % против 68,7 % в 1990 году [6, с. 89]. На Саранском мясокомбинате в 1993 году мощности по производству колбасных изделий использовались на 80 %, по мясожировому цеху — менее 70 %, а по производству полуфабрикатов — всего на 20 % [4]. Загруженность Саранского молочного комбината составляет не более 50 % его проектной мощности [2].

В перерабатывающей промышленности России ныне занято примерно 1,8 млн работников. Если учесть, что продукция этой отрасли во всем производстве АПК составляет 38 %, а удельный вес занятых — лишь 11,5 %, то подобную ситуацию вряд ли можно считать нормальной, так как рост фондовооруженности труда значительно опережает рост его производительности, что свидетельствует о серьезных диспропорциях в инвестиционной политике [7, с. 44].

В перерабатывающих отраслях труд механизирован лишь на 40 — 50 % [8, с. 29]. Перечисленные выше факторы предопределили усиление спада в производстве продуктов питания. В январе — сентябре 1993 года на предприятиях пищевой промышленности Республики Мордовия произведено мяса на 20 % меньше, чем в тот же период предыдущего года, цельномолочной продукции (в пересчете на молоко) — меньше на 32 % [9].

Тревожное положение с качеством и ассортиментом пищевых продуктов. С переходом к экономическим методам управления и разрушением традиционных хозяйственных связей предприятия концентрируют свое внимание на вопросах финансовой устойчивости, так как им сейчас приходится

заниматься не столько вопросами технологии, качества, сколько поисками сырья, тары и т. д., чтобы предотвратить остановку производства.

Долговременное монопольное положение крупных перерабатывающих предприятий при экономическом покровительстве государства обусловило утрату «вкуса» к обновлению ассортимента, изучению запросов населения, без которых невозможно обеспечить переход к рынку.

В современных условиях необходимо, чтобы государство различными экономическими методами поощряло интерес к средним и мелким формам хозяйствования. Должны быть созданы разные условия для всех типов и форм деятельности в перерабатывающей сфере агропромышленного комплекса.

Анализ состояния рыночных отношений в АПК Эстонии, Латвии, Украины, а также изучение опыта восточноевропейских стран (Венгрии, Польши, Чехии, Словакии, Болгарии) показывают, что решить проблему создания рынка можно с помощью различных концептуальных подходов [11].

С нашей точки зрения, применительно к АПК России (в частности Республики Мордовия) оптимальным представляется трехуровневый вариант.

На первом уровне — местном — основными собственниками и инвесторами являются агрофирмы, колхозы, кооперативы, фермерские хозяйства и их союзы. Источники сырья: 30 % продукции по закупкам на государственные нужды и вся продукция сверх этих закупок, произведенная в колхозах и совхозах, продукция всех остальных собственников. Основные потребители продукции: сельское население мелких и средних населенных пунктов, городское население, выезжающее летом в село, другие потребители (через собственную торговую сеть и рынок).

Второй уровень — районный. Основные собственники и инвесторы: колхозы, совхозы, комбинаты районного типа, ассоциации потребителей

ских коопераций, промышленные предприятия, районные межхозяйственные формирования, органы муниципальной власти. Источники сырья: сырье, не переработанное на первом уровне, собственность крупных межхозяйственных формирований районного уровня и собственность крупных хозяйственных субъектов. Потребители продукции: население районного центра (через сеть магазинов — фирменных и кооперативных), жители других районов (через систему бартерных поставок и свободную розничную торговлю).

Третий уровень — республиканский отраслевой. Основные собственники и инвесторы: отраслевые республиканские и отраслевые хозяйственные органы, комитеты, производственные, научно-производственные системы (консорциумы, концерны и др.). Источники сырья: сырье, поступающее по закупкам на государственные нужды, а также собственность крупных хозяйственных субъектов республиканского, межхозяйственного уровня (концернов, ассоциаций). Потребители продукции: городское население крупных промышленных центров, другие потребители.

Преимущества представленной выше трехуровневой модели развития перерабатывающей промышленности в регионе следующие:

1) развитие переработки в местах производства сырья сокращает его потери, что равносильно приросту производства;

2) при ограниченном выборе сельских профессий расширение сферы приложения квалифицированного труда является серьезной экономической предпосылкой для более полного и равномерного использования трудового потенциала;

3) малые мясомолочные, крахмалопаточные и другие предприятия оказывают меньшую экологическую нагрузку на воду, почву, чем крупные.

могут быстрее перейти на безотходную технологию;

4) обеспечение равномерного круглогодичного поступления финансовых средств, уменьшение на этой основе потребности в кредитных банковских ресурсах имеет большое значение в социально-экономической стабилизации агропромышленного комплекса.

В качестве аргумента в пользу такой модели развития перерабатывающей отрасли в региональных АПК приведем данные о потерях наиболее дефицитного сырья — мяса. По данным ВНИИЖа, общие потери живой массы бычков при выдержке на мясокомбинате летом в течение 24 ч составляют 6,4 %, 40 ч — 10 % [5, с. 61]. Расчеты показывают, что при сокращении этих потерь можно ежегодно сохранять тысячи тонн мяса. Как свидетельствует опыт Китая, Венгрии, Польши и других стран, сельская промышленность может стать высокоэффективным партнером основного сектора.

Формирование и развитие рыночной экономики сопряжено с проблемами, которые связаны с необходимостью освоения совершенно новых подходов к развитию каждой хозяйственной единицы и функционированию всего АПК. Без их решения вопрос о переходе к рынку может так и остаться открытым и превратиться в очередную декларацию, но справедливости ради нужно отметить, что в экономике России на сегодняшний день произошли серьезные изменения: получила развитие предпринимательская деятельность, разрушена система централизованных поставок сырья и оборудования, идет приватизация государственной собственности, осуществляется либерализация цен, строится новая система финансово-кредитных отношений. Все эти процессы идут сложно, но сам факт их существования дает определенные подвижки в деле перехода экономики России к рыночным отношениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антисенко Л. А. Роль и место перерабатывающих производств в региональных АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 1991. № 12. С. 39 — 42.
2. Бегоулов П. Молочный комбинат выступает за рыночный паритет между сырьевиками и торговлей // Вечерний Саранск. 1993. 1 — 5 февр.
3. Добрынин В. Сельское хозяйство на пути к рынку // АПК: экономика, управление. 1992. № 5. С. 21 — 25.
4. Кормилец города: Завтра мясокомбинату «Саранский» исполняется 40 лет // Сов. Мордовия. 1993. 30 сент.
5. Международный агропромышленный журнал. 1991. № 1. С. 61.
6. Народное хозяйство республики Мордовия в 1993 году: Стат. сб. / Морд. республ. управление статистики. Саранск, 1994. 120 с.
7. О состоянии материально-технической базы АПК: (Экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 42 — 45.
8. Ралецкий Г. Государственная поддержка развития АПК // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 27 — 31.
9. Социально-экономическое положение и развитие экономических реформ в Мордовской ССР за 9 месяцев 1993 г. // Сов. Мордовия. 1993. 11 нояб.
10. Ткач А., Гончаров В. Совершенствование структуры АПК России // Междунар. с.-х. журн. 1993. № 3. С. 42 — 45.

Ф И Л О С О Ф И Я

ФИЛОСОФИЯ НЕНАСИЛИЯ*

Н. С. САВКИН, доктор философских наук

XX век завершается. И человечество неизбежно пытается оглянуться на пройденный путь, оценить его, осмыслить и с надеждой на будущее наметить перспективы. И хотя ситуация в мире достаточно напряженная и ненадежная, человек все равно надеется на лучшее, без надежды он не может жить. Без надежды жизнь немыслима.

Наше время называют переломным этапом в развитии истории. И это действительно так. Переломность его зак-

В первом номере нашего журнала за 1994 год опубликована статья Н. С. Савкина «Философия нечеловечности». Давняя с сокращениями из-за того, что была представлена в редакцию накануне сдачи журнала в производство и в полном виде «не вписывалась» в уже сформированный номер. Автор потребовал повторной публикации статьи без купюр, так как сокращения, по его мнению, повлекли за собой искажение смысла. Публикуем данную статью в несколько дополненном виде повторно, по настоятельной просьбе автора — без редакторской обработки.

лючается в том, что, во-первых, человечество все отчетливее осознает свое единство как единое человечество с определенной историей, культурой, цивилизацией, с единой судьбой и одинаковыми проблемами и стремится к выживанию на основе сосуществования, толерантности и ненасилия. Эта переломность проявляется, во-вторых, в осознании реальности глобальных опасностей, нависших над человечеством, — ядерной, экологической, демографической. До сих пор массовому сознанию не верилось, что глобальные опасности столь близки к черте, за которой — гибель человечества и цивилизации. Все казалось, что ученые и публицисты сгущают краски, «пугают», чтобы образумить политиков, выступающих с позиций силы. XX век с мировыми войнами, массовыми репрессиями, ядерным оружием подавал человечество к такой критической фазе истории, за которой дальнейшее применение силы как метода и средств

ва решения государственных, национальных и иных интересов неизбежно приведет к самоуничтожению человечества. Ненасилие становится единственно приемлемым путем развития. Ненасилие — перспектива человеческого общества, которой нет альтернативы. XX век показал это отчетливо, ибо сам он сконцентрировал и разрядил такой колоссальный заряд жестокости и насилия, что стало очевидным: взаимное уничтожение людей и народов гарантировано. Тем самым он возродил идею ненасилия и поднял ее на уровень всеобщего глобального вопроса. Теперь можно с уверенностью сказать, что проблема ненасилия стала в наше время одной из самых актуальных и злободневных.

Что такое ненасилие? Это понятие («а-химса») впервые употребил Махатма Ганди для обозначения отказа от разрушительной силы насилия в борьбе за справедливость. Но М. Ганди не был сторонником пассивного сопротивления насилию. Пассивное сопротивление, отмечал он, — удел слабых и трусливых [1, с. 173]. Для обозначения же активного сопротивления насилию он предложил другое слово — «сатьяграха» (дословно «правда», «бог»), под которым он понимал силу духа, силу справедливости, правды, любви. Сатьяграха — не физическая сила, а духовная: это вера в истину, справедливость, любовь и упорное стремление к ним. «Ненасилие — это покой, — писал он, — но активное ненасилие — это любовь. Мир существует движимый любовью... Если бы враждебность была движущей силой, мир давно был бы разрушен... Мы живы благодаря любви. Все мы — доказательство этого» [1, с. 168].

В настоящее время понятие ненасилия употребляется в достаточно широком смысле — и для обозначения абсолютного ненасилия как отрицания насилия при любых обстоятельствах (принципиальное ненасилие), и для обозначения активного ненасилия в борьбе за справедливость через силу правды, души, любви. В первом случае ненасилие понимается как со-

циальная позиция и моральный принцип, во втором — система практических действий для преодоления несправедливости. Оно стремится раскрыть несправедливость и насилие и преодолеть их, чтобы принести освобождение тем, кто страдает от них. Как отмечает французский философ, активный участник Движения ненасилия Жан Госс, цель ненасилия заключается не в достижении победы над противником или врагом, а в преодолении несправедливости, в решении конфликтов и посредством этого в создании условий для всех [7, с. 23].

Оборотной стороной проблемы ненасилия является вопрос о насилии. Насилие — это разрушительная и принудительная сила. Она подавляет, унижает, эксплуатирует. Существует насилие индивидуальное и социальное, физическое и психологическое, военное и культурное. Особое место из всех перечисленных видов насилия занимает социальное. Оно в свою очередь имеет три основные формы — экономическую, политическую и духовную. Наиболее острым и мощным является политическое насилие с применением оружия и репрессий.

Испокон веков публицистов, философов, писателей волновали вопросы: играло ли социальное насилие прогрессивную роль в общественном развитии? Способствует ли оно ускорению общественного развития, переходу общества из одного состояния в другое или только решает вопросы социальной справедливости, не продвигая его вперед? С перечисленными выше связан не менее острый и трудный вопрос: в какой мере культура допускает и оправдывает насилие? Известно мнение русских революционных демократов, которые не сомневались, что без насилия прогресс в развитии общества, освобождение масс от угнетения и эксплуатации просто невозможны, что в обществе, где нет ни свободы, ни равенства, ни братства, где насилие является повседневной практикой господствующих классов, добиться свободы, равенства и братства без насилия — утопия. К. Маркс утверждал,

что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» [6, с. 761]. В. И. Ленин также подчеркивал, что «ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием» [3, с. 265] и что «рождение нового строя невозможно без революционного насилия...» [4, с. 116 — 117]. Следовательно, революционные демократы и марксисты рассматривают насилие как неизбежную и обязательную плату за прогресс.

В какой мере правы революционеры? Ответ на этот вопрос имеет два аспекта. Первый: действительно, в обществе, где есть социальное зло, жестокая эксплуатация, рабское принуждение, неприкрытое насилие, обходиться без ответного насилия как средства самозащиты вряд ли представляется возможным. И здесь они правы. Одновременно и в этой ситуации возможно применение ненасильственных методов борьбы за справедливость, например, гражданское неповиновение. Это способ активного ненасилия. Второй: мера использования революционного насилия в виде вооруженного столкновения, которое сопровождается, как правило, человеческими жертвами. Возникает вопрос, в какой мере оправданы эти жертвы и почему отдельный человек, для которого его собственная жизнь есть единственная, должен жертвовать этой единственной жизнью ради революционного продвижения вперед? В какой мере оправдана необходимость свержения существующего строя, если оно сопровождается человеческими жертвами? Как и чем оправдать эти жертвы ради истории, если исходить из системы ценностей культуры, в которой человеческая жизнь рассматривается как высшая ценность? Здесь ответ должен быть строго определенным и однозначным: если свержение существующего строя и переход к новому этапу общественного развития связаны с кровопролитием и человеческими жертвами, значит «роды» еще не наступили, они преждевременны. Форсирование событий на-

сильственным путем равноценно искусственному вызыванию преждевременных родов.

Россия пережила столько трагических событий в течение только XX века, связанных с революциями, репрессиями, войнами, концлагерями, путчами, которые все сопровождались насилием, что, казалось бы, у каждого россиянина должен был выработаться четкий иммунитет к насилию. Увы! Наш народ как будто привык, притерпелся. Когда в Москве в октябре 1993 года произошли кровавые события, связанные с окружением и расстрелом парламента в Белом доме, народ не возмущился. Он в массе своей достаточно спокойно воспринял это и также спокойно «проглотил» очередную дозу насилия. Речь идет не о политической борьбе между парламентом и президентом, между представительной и исполнительной властями. Это явление естественное и допустимое. Речь идет о другом — о кровопролитии. Политика — вещь спорная. Бесспорно другое — бессмысленная гибель людей. Если проанализировать цепочку событий с момента возникновения конфликта вначале в виде политического противостояния до его завершения 4 октября выстрелами из танковых орудий, можно сделать однозначный вывод: кровопролития можно было избежать. Я был свидетелем этих событий в Москве, достаточно подробно проанализировал действия сторон, значительное количество публикаций в периодической печати и пришел к твердому убеждению: кровопролития можно было избежать.

Не только народ, но и часть интеллигенции не увидела ничего странного и страшного в этом насилии конца XX века! Приведем несколько высказываний из превосходно сделанной В. Максимовым подборки в «Книжном обозрении» за 1994 год, 21 января: Вермонтский затворник А. Солженицын: «Это необходимый этап в борьбе с коммунизмом». Борец за демократию Е. Боннэр: «Пленных не брать, расстреливать на месте». Бывший правозащитник и политзаключенный С. Ко-

валев: «Я уголовников не защищаю». «И все сплошь интеллектуалы, гуманисты, радетели человеческих гражданских прав, убежденные демократы и принципиальные враги всяческого насилия», — замечает В. Максимов [5, с. 3].

К сожалению, многие, очень многие политики, ученые, публицисты до сих пор убеждены, что и в современном мире, как и в прошлом, в борьбе с несправедливостью нет иного пути, кроме ответного насилия. Так ли это? Нет, не так. Распространенность таких убеждений говорит лишь о том, что насилие имеет глубокие исторические корни, оно пронизало нашу цивилизацию, культуру, порой даже философию и религию. Оно родилось еще в перабытом обществе, проявлялось в родо-племенных войнах. Позже, в классовых обществах, — в политической, экономической, идеологической борьбе. Оно проникло в недра цивилизации, глубоко укоренилось в сознании и психологии людей. Проявления его бесконечно многообразны — начиная от кровной мести, войн, террора, убийств, рикета, кончая угнетением, разрушением, национальной, расовой, религиозной враждой. Но этим нельзя оправдать неизбежность насилия. Если посмотреть на историю в ретроспективе, можно с уверенностью сказать, что насилие никогда не было единственным способом решения общественных конфликтов как внутри государства или страны, так и в отношениях между ними. Как отмечает А. А. Гусейнов, соотношение насилия и ненасилия в различные эпохи у различных народов, конечно, различно. Но в целом можно предположить, что превалирующим в их балансе были все-таки ненасильственные методы деятельности. В противном случае не состоялась бы история [7, с. 55].

Ответное насилие в борьбе с несправедливостью порождает новое насилие, ибо ответное насилие — тоже насилие. Тем самым мы включаемся в бесконечную спираль насилия, и чтобы победить, каждой стороне приходится постоянно наращивать потенциал сво-

ей вооруженности. Так произошло в XX в. между СССР и Западом, когда ядерное противостояние дошло до критической черты, за которой взаимное уничтожение обеих сторон стало реальной возможностью.

Разумеется, ответное насилие жертвы и насилие насильника существенно различаются как по содержанию, смыслу, так и по целям, мотивам. Не случайно оно называется справедливым и морально оправданным в пределах самообороны. Здесь мы имеем дело со случаем, когда из двух зол приходится выбирать меньшее. Философия же ненасилия ищет пути обоснования идеи, что в современных условиях возможно и необходимо объединение усилий большинства человечества для противостояния насилию ненасильственными методами. Как говорится, если негодяи и мерзавцы объединяются, чтобы творить зло, то почему же честные и порядочные люди не могут объединяться, чтобы творить добро.

Одним из аспектов теории ненасилия является проблема толерантности, которая широко обсуждалась на прошедшем в Москве 22 — 28 августа 1993 г. XIX Всемирном философском конгрессе «Человек и человечество на переломном этапе», в котором автор принимал участие. На конгрессе отмечалось, что в современных условиях, когда накоплено достаточно ядерного и химического оружия, нарастает угроза экологической катастрофы, существуют разные политические системы, вероисповедания, человечество может жить только соблюдая принцип толерантности. Толерантность выступает как один из важнейших ненасильственных методов борьбы против несправедливости и способов сосуществования в современном мире. В связи с 50-й годовщиной ООН и 50-летием окончания второй мировой войны ЮНЕСКО объявил 1995 год годом толерантности.

Толерантность (от латинского *tolerantia* — терпение) означает снисходительность к кому- или чему-либо, терпимость. Толерантность — это тер-

пимость к чужому мнению, другой культуре, иной политической системе, иным манерам, убеждениям, верованиям, стилю жизни. Она исходит из того, что собственные убеждения каждого не должны быть окончательными и безоговорочными. Всегда должно быть оставлено место сомнению, и тогда терпимость к другому мнению возможна.

Оставлять место сомнению во всем и всегда — это не нигилизм и не скептицизм, которые все отрицают или все подвергают сомнению. «Оставлять место сомнению» означает, что убеждения человека не должны быть абсолютными. Сомнение в сознании всегда должно иметь свою вакансию. Даже если убеждения, знания проверены и подтверждены, оставляй место сомнению, так как с изменением места, времени, условий убеждения и знания могут не соответствовать или частично не соответствовать действительности. Принцип «оставляй место сомнению» наилучшим образом выражает нормальное мировоззренческое состояние нормального здравомыслящего человека. Придерживаясь этого принципа, можно избежать фанатизма и враждебности к оппонентам.

Но толерантность нельзя понимать как безразличие и терпимость ко всему. Она не беспредельна. Недопустимы терпимость ко лжи, жестокости, диктату, тоталитаризму. Как отметил на конгрессе новый президент Международной федерации философов проф. Ф. Миро-Касада (Перу), терпимость обязательна без оговорок в двух случаях: 1) по отношению к другому человеку с иной культурой, иным мировосприятием и 2) по отношению к теории, идеям, политическим, религиозным и другим убеждениям. По отношению же к истине она менее приемлема.

Толерантность в благородном смысле — это мудрость уважения, демократический плюрализм. Она предполагает достаточно сильный интеллект и здоровое мышление, позволяющие с терпением относиться к чужому мнению, уважать его, считаться с ним,

независимо от того, согласны или не согласны с ним.

Толерантность — не столько практическое действие, сколько состояние, проявляющееся в постоянной готовности и стремлении к уважению и пониманию другого. Толерантность — это спокойствие мудрости и мудрость спокойствия.

Труднее всего толерантность дается политикам и религиозным фанатикам. Часто они не только нетерпимы друг к другу, но и оскорбляют друг друга. Это относится к политическим деятелям в России, в Мордовии. Политические оппоненты становятся врагами и готовы уничтожить друг друга. Это страшно с точки зрения естественного положения вещей, когда граждане одной страны, нации, города, иногда бывшие знакомые, друзья, будучи политическими противниками, способны перегрызть друг другу горло. С точки зрения философии насилие перед нами налицо, во-первых, абсолютизация политики и власти в жизнедеятельности общества, когда последние рассматриваются не как средство организации общественной жизни, а как средство удовлетворения личных амбиций, получения льгот и привилегий. Во-вторых, игнорирование известного положения философии, что человек есть мера всех вещей, человек как личность есть абсолютная ценность в обществе. Развитие человека есть цель общественного развития, а не наоборот, когда одни поколения в известном смысле выступают средством по отношению к другим.

Возможно ли общество, где не будет насилия, или мы излагаем очередную утопию? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо напомнить истоки насилия. Существуют две основные позиции по данной проблеме. Одни полагают, что насилие заложено в психике людей, оно неискоренимо. Человек должен постоянно помнить об этом и усилием воли, духа освобождаться от инстинктов агрессии, подавлять их. Другие убеждены, что насилие имеет историческое, социально-экономическое происхождение. В ос-

нове его — недостаток материальных средств к жизни, и если достигнуть их изобилия, конфликты из-за их распределения отпадут. Насилие потеряет смысл.

Обе позиции содержат в себе долю истины. Первая точка зрения обращает внимание на духовные, субъективные истоки насилия, вторая — на социально-экономические, объектив-

ные. Движение к обществу ненасилия возможно лишь на основе учета обоих условий. Однако достичь его никогда не удастся, если не руководствоваться принципами философии ненасилия: научиться жить духовной жизнью, идти по пути ненасилия. «Если тебя укусит собака, не отвечай ей тем же», — гласит одна мудрая африканская поговорка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ганди М. Сатьяграха // Ненасилие: философия, этика, политика. М., 1993. С. 167 — 174.

2. Гусейнов А. А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35 — 41.

3. Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11(24) января // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 261 — 279.

4. Ленин В. И. Речь на IV конференции гу-

бернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 113 — 121.

5. Максимов В. «Возьмемся за руки, друзья!..» // Книжное обозрение. 1994. № 3. 21 января. С. 3.

6. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 5 — 907.

7. Ненасилие: философия, этика, политика / Кол. авт.; Отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Наука, 1993. 188 с.

ДУХОВНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО И РЕЛИГИЯ

С. М. ИТКИН, кандидат философских наук

Настоятельной потребностью нашего сложного времени является духовное возрождение России. И хотя смысл этого понятия трактуется далеко не однозначно сторонниками различных политических партий и движений, можно считать общепризнанным, что главное место в этом процессе должно принадлежать утверждению в сознании и практической деятельности человека духовно-нравственных ценностей.

Немалые надежды в духовном возрождении России возлагаются на религию, обладающую, как это подтверждает исторический опыт, значительным духовно-нравственным потенциалом.¹

Красивое слово «возрождение», во многом публицистическое по своему звучанию, самым тесным образом связано с менее благозвучным (более «тяжелым»), однако более точным и научно обоснованным понятием «духовное воспроизводство».

Никакое воспроизводство, равно как и возрождение, невозможно без соответствующей базы, основания. Для духовного воспроизводства таким фундаментом была и остается культура, взятая в единстве и взаимодействии всех ее компонентов. К их числу принадлежит и религия. Как и любой другой компонент культуры, она выполняет только ей присущие социальные функции и поэтому занимает свою «историческую нишу» в процессе духовного воспроизводства (а значит, и духовного возрождения) человека и общества в целом.

Конечно же, эти функции многообразны, но нас в данном случае интересует одно: роль, место, значимость религии в воспроизводстве духовно-нравственных ценностей (качеств) человека. Думается, что эта роль самоочевидна для непредубежденного исследователя (и читателя). После морали религия, вне сомнения, играет наиболее значительную роль в сохране-

нии и воспроизводстве духовно-нравственных ценностей человека, составляя, по-видимому, следующее место искусству. И все же не это главное. Главное, как нам представляется, в том, что через посредство религии, в ее специфической форме утверждается, распространяется и воспроизводится общечеловеческое содержание духовно-нравственных ценностей, образующее духовный остов и человека, и человечества. Достаточно в этой связи сослаться на мировые религии и особенно христианство, где эта функция проявляется наиболее полно и последовательно. Классическим, хрестоматийным материалом для иллюстрации общечеловеческого основания моральных установок и нравственных предписаний являются знаменитые «десять заповедей» из Ветхого завета и «заповеди блаженства», изложенные в новозаветной Нагорной проповеди Иисуса Христа. Их общечеловеческий духовно-нравственный потенциал настолько значителен и многообразен, что в рамках статьи можно говорить лишь об отдельных его аспектах. Остановимся на двух из них: во-первых, «общечеловеческое» и «классовое» в «десяти заповедях»; во-вторых, соотношение содержания заповедей и формы его выражения, а также целей и способов их обоснования.

Десять заповедей (декалог) в форме религиозных предписаний («закона»), согласно Библии, переданных Богом через Моисея «избранному народу», выразили исторически сложившиеся нормы взаимоотношений людей, охраняющие их жизнь («не убивай»), собственность («не укради»), семейные отношения («не прелюбодействуй»), доверие и честность по отношению друг к другу («не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «не желай ничего, что у ближнего твоего»). Примечательно, что с этими запретами иудаизма, принятыми христианством, почти текстуально совпадают пять этических правил буддизма: «не убивать», «не покушаться на чужую собственность», «не соблазнять чужих жен», «не лгать», «не пить

вино». Аналогичные в принципе моральные требования (с некоторыми коррективами) предусмотрены и в исламе. И это вполне объяснимо: их общим и единым адресатом является человек как творение божие, вне классовых, социально-демографических и иных рамок.

Вместе с тем ведущая роль общечеловеческого в религиозно-нравственных предписаниях отнюдь не означает, что в тех же десяти заповедях отсутствует классовое начало. Достаточно сослаться на полный текст десятой заповеди, гласящей: «не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, (ни поля его), ни раба его, ни рабыни его, (ни всякого скота его), ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20: 17). Здесь совершенно отчетливо проявляется классовый интерес рабовладельческого общества, роль и влияние конкретно-исторических условий и обстоятельств. Однако (и это главное) в моральный кодекс христианства, а через него в моральное сознание множества людей (в том числе неверующих) вошло не то, что отразило в себе социально-исторические условия и время появления заповедей (примерно IX век до н. э.), а общечеловеческое — осуждение зависти. Именно по этой причине (и благодаря этому) данное нравственное предписание, как и любое другое, относящееся к категории общечеловеческого, получает возможность для своего воспроизводства в духовно-нравственной сфере человека, принадлежащего к иному поколению, живущему в другое время, в иной социальной среде и иных исторических условиях. Более того, эти как будто сугубо религиозные заповеди становятся нравственной нормой, жизненным правилом для множества нерелигиозных людей. О примере такого рода весьма выразительно рассказывается в воспоминаниях М. Мамонтова, относящихся к началу тридцатых годов XX века. «Наша деревня была безбожная... В Бога у нас не верили, а заповеди еще соблюдали... Украсть, солгать, обмануть, прелюбодейство-

вать было величайшим — нет, не грехом (если Бога нет — и греха нет), а стыдом и позором...» [2, с. 145]. Думается, что именно такого рода атмосфера нравственной взыскательности, к сожалению, в дальнейшем утраченная, нуждается в возрождении, и, разумеется, не только на селе.

Теперь вновь вернемся к библейским заповедям, на сей раз под углом зрения соотношения их содержания и формы, целей и способов обоснования. Для этого обратимся к этике Нового завета, основные положения которой изложены в Нагорной проповеди, и прежде всего в так называемых «заповедях блаженства». В перечень «блаженных», т. е. получающих высшее счастье, даруемое человеку, его душе, отнесены: нищие духом, плачущие; кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные за правду. При этом почти в каждом случае оговариваются условия получения человеком блаженства, а также следуемая награда. Так, «нищие духом» обретут «царство небесное», «чистые сердцем» «Бога узрят», миротворцы будут «наречены сынами Божиими», изгнанные за правду получат «царство небесное».

Здесь довольно четко обнаруживается единство общечеловеческого по своей сути содержания нравственных установлений и религиозной формы его выражения. Религиозно-теологическим является и способ обоснования моральных предписаний. Как пример — заповедь «блаженны миротворцы». Вне сомнения, миротворчество и как отрицание насилия, и как установление мира «в своем сердце и своей душе» — это общечеловеческие ценности. Однако (что вполне логично) в Новом завете им дается религиозное обоснование: миротворцы будут наречены «сынами Божиими». Аналогично и в других заповедях Нагорной проповеди.

Наше беспокойное время настоятельно напоминает об актуальности призыва к миротворчеству. И поэтому не случайно в «Договор об общественном согласии», в раздел «Нравст-

венность, наука, образование», включен пункт, гласящий: «Участники Договора подчеркивают, что любовь к Отечеству, свобода и нравственный долг перед обществом, творческий труд, все общечеловеческие ценности, духовные и нравственные традиции многонационального народа Российской Федерации должны стать основой ее возрождения» [1].

Традиции — это форма социального наследования и один из важнейших механизмов духовного воспроизводства, вне которого прерывается «связь времен», распадается нравственная эстафета поколений, основанная на общечеловеческом характере моральных ценностей. Существенное место в данном ряду занимает и «религиозный канал» духовного воспроизводства: «священные книги» («Библия», «Коран»), средства эстетического воздействия (икона, скульптура, архитектура, церковная музыка) и особенно «религиозный компонент» общественного, семейного, индивидуального воспитания.

Понятно, что в различное время место и роль религии в этом процессе менялись и должны оцениваться со всеми присущими ей деятельности плюсами и минусами. В данном случае речь идет, как нам представляется, о главном: о воспроизводстве (а по существу, о возрождении) в современной семье и личностных отношениях базисных норм общечеловеческой морали, закрепленных в том числе в форме религиозных заповедей и установлений. Это тем более актуально, так как семья является общечеловеческой ячейкой, что, к радости, все более осознается людьми. Согласно исследованию НИИ регионологии при Мордовском университете, 56,5 % респондентов, отвечая на вопрос: «Какие из приведенных ниже ценностей являются для Вас наиболее значительными?» — на первое место поставили семью. При этом ценности религии признают для себя наиболее значительными лишь 3,7 % опрошенных. Зато при ответе на вопрос: «Как Вы оцениваете роль религии в преодолении

социальных конфликтов» — 55,8 % отметили, что религия могла бы способствовать более терпимому отношению людей друг к другу [3].

Все это свидетельствует о необы-

чайной актуальности проблемы духовного воспроизводства, о ее сложности и в то же время настоятельной необходимости практического решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор об общественном согласии // Известия. 1994. 30 апр.
2. Мамонтов М. Как я узнавал пословицы.

Воспоминания // Нов. мир, 1994. № 3. С. 129 — 155.

3. Резервы гармонизации социальных отношений // Известия Мордовии, 1994, 28 мая.

История и этнология

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У МОРДВЫ БАШКОРТОСТАНА

М. В. МУРЗАБУЛАТОВ, кандидат исторических наук

В Башкирии, по переписи населения 1989 года, насчитывалось 31,9 тыс. мордвы, в том числе 19,9 тыс. (62,3 %) — в городской и 12,0 тыс. (37,7 %) — в сельской местности. Официальными сведениями о ее численности на 1994 год мы не располагаем, но, не рискуя ошибиться, можно сказать, что сегодня мордвы в республике меньше, чем было в 1989 году. Основанием для такого утверждения служит то, что численность башкирской мордвы начиная с 30 — 40-х годов текущего столетия неуклонно сокращается.

По переписи 1939 года, в Башкирской АССР проживало 57,8 тыс. мордвы, в том числе 10,1 тыс. (17,5 %) — в городах и рабочих поселках и 47,7 тыс. (82,5 %) — на селе. Попутно заметим, что доля горожан у других народов, за исключением русских, была значительно ниже, чем у мордвы: у удмуртов — 1,6 %, у марийцев — 1,9, у чувашей — 5,1, у коренного населения республики — 5,8, у татар — 9,4, у белорусов — 10,2, у украинцев — 16,3 %. У русских горожане составляли 29,9 %. В городах самой Мордовии в

1939 году проживало немногим более 10 тыс. мордвы, т. е. столько же, сколько в городских поселениях Башкирии, что составляло 2,6 % от ее общей численности в Мордовской АССР.

При очередной переписи населения в 1959 году выяснилось, что мордвы в Башкирии стало меньше на 14 тыс.: из учтенных 43,6 тыс. около 16 тыс. (36,2 %) проживало в городской и почти 28 тыс. (63,8 %) — в сельской местности. Несмотря на значительное сокращение численности мордвы, республика оставалась одним из крупных ареалов ее расселения. Для сравнения отметим, что в том же 1959 году на всем Дальнем Востоке насчитывалось около 50,0 тыс., в Казахстане — 25,5 тыс., республиках Средней Азии — более 20,0 тыс. мордовского населения.

Сокращение численности мордвы продолжалось и в последующие годы, хотя его темпы были более низкими, чем раньше. Перепись 1970 года учла 40,7 тыс. мордвы, в том числе 17,5 тыс. (42,9 %) горожан и 23,2 тыс. (57,1 %) селян. Доля мордвы-горожан возросла: она в 2,5 раза, превышала

аналогичный показатель в Мордовии.

За 70-е годы численность мордвы в Башкирии уменьшилась еще на 4,8 тыс. Между переписями 1979 и 1989 годов она сократилась еще на 4,0 тыс. Причины снижения численности мордовской диаспоры в республике не изучались. На наш взгляд, кроме продолжающейся миграции большую роль в этом процессе играет ее растворение в инонациональной, точнее, русской, среде.

Мордовское население на территории Башкортостана расселено крайне неравномерно. Наиболее компактно и сельская, и городская мордва проживает в южном, западном и центральном регионах. Около половины сельской мордвы сосредоточено в южной зоне, однако здесь основная масса населения проживает в четырех районах: Федоровском, Стерлитамакском, Аургазинском и Кугарчинском.

Другой регион относительно компактного расселения сельской мордвы — западный, в котором перепись 1989 года учла 3,8 тыс. человек мордовской национальности, подавляющее большинство которых концентрировалось также в четырех районах: Бижбулякском, Ермекеевском, Давлекановском и Белебеевском. В центральном регионе с 2,6 тыс. мордовского населения 90 % проживают в Чишминском, Уфимском и Кармаскалинском сельских районах, на долю остальных пяти приходится лишь 10 %.

В трех других регионах республики, объединяющих 21 сельский район, в общей сложности насчитывается немногим более 1,0 тыс. мордовских жителей, в том числе в северо-западном — 134 чел. (1,1 % сельской мордвы), уральском — 302 (2,5 %), северо-восточном — 656 чел. (5,5 %).

Городская мордва более или менее компактно расселена также в южном (около 42 % всех горожан мордовской национальности, включая и жителей поселков), центральном (29,5 %) и западном (13,4 %) регионах. В северо-западном и уральском регионах ее очень мало — соответственно 1,5 и 1,8 %. На северо-востоке республики,

если не считать пяти человек в фактически обреченном на исчезновение поселке Первомайский, мордвы-горожан нет.

Большинство мордовского городского населения (около 85 %) сосредоточено в городах, причем в крупных, таких, как Уфа, Стерлитамак, Салават и Октябрьский. Лишь немногим более 15 % проживают в поселках городского типа, довольно значительная часть которых практически не отличается от сельских поселений.

По мере уменьшения населения сокращается и число семей. Если в 1979 году в Башкирии насчитывалось более 5 тыс. мордовских семей, то десять лет спустя — немногим более 4 тыс. Сокращается число как городских, так и сельских семей. С 1979 по 1989 год первых стало меньше на 82, вторых — на 875. Если сельские семьи уменьшаются как в абсолютном, так и в относительном показателях, то доля городских семей возрастает: в 1979 году их было 38,8 %, в 1989 — 45,8 %. (Доля городских мордовских семей в Мордовии в 1979 году составляла 27,8 %.)

За последние десятилетия у всех народов башкирского края сокращается средний размер семьи, не исключение и мордва. В 1979 году мордовская семья состояла в среднем из 3,4 чел. (в городе и на селе соответственно 3,1 и 3,6 чел.). Этот показатель один из самых низких в республике; он выше лишь, чем у украинцев (2,9 чел.) и русских (3,3 чел.). Перепись 1989 года определила, что средняя мордовская семья состоит из трех человек: у мордвы-горожан — 2,9, у мордвы сельской местности — 3,0 чел. Это означало, что мордва отстала от русских, средняя семья которых состояла из 3,2 чел. (3,2 и 3,1 чел.), и вплотную приблизилась к украинцам, по-прежнему имевшим самый низкий показатель по республике (2,7; 2,8 и 2,7 чел.). Для сравнения укажем, что средняя семья удмуртов состояла из 3,8 чел., марийцев — из 3,7, башкир и чувашей — из 3,5, татар (включая крымских) — из 3,3 чел.

У мордовской диаспоры интенсивно идет процесс сокращения доли семей, состоящих из пяти и более человек, и рост удельного веса семей из двух — четырех человек. В 1979 году последние в городских поселениях составляли 86,1 % (в городской местности Мордовии — 89,0 %), в сельских — 74,0 % (в Мордовии — 72,5 %). Десять лет спустя среди городской мордвы Башкирии таких семей стало 92,0 %, среди сельских — 89,2 %. Доля семей из пяти и более человек в 1989 году составляла у городской мордвы 7,9 %, у сельской — 11,8 %. Любопытно отметить, что в уральском регионе, включающем пять крупных областей (Курганскую, Оренбургскую, Пермскую, Свердловскую и Челябинскую) и две республики (Башкирию и Удмуртию), и в Татарии семьи, состоящие из пяти и более человек, в 1989 году составляли 12,0 — 13,3 %.

На воспроизводство населения самое непосредственное влияние оказывают, как известно, количество браков и разводов, основные характеристики которых обуславливаются социально-экономическими условиями и рядом демографических показателей: рождаемостью, смертностью, возрастным и половым составом населения и др. По данным переписи 1989 года, в Башкирии на тысячу человек каждого пола в возрасте 16 лет и старше состояли в браке 721 мужчина и 609 женщин. Самыми высокими были показатели у украинских (798) и мордовских (787) мужчин; самыми низкими — у башкир (691) и марийцев (676). Среди женщин самый низкий показатель у мордвовок (585), самый высокий — у украинок (628). На селе на тысячу человек каждого пола в браке состояли 746 мужчин и 633 женщины против 707 мужчин и 596 женщин в городах и поселках. Этот показатель у мордовских мужчин как в городе, так и на селе — в числе наиболее высоких (соответственно 781 и 797), а у женщин —

в городе самый низкий (573), на селе — один из низких (605).

При изучении мордвы, обитающей в интернациональном (в условиях Башкортостана — русском) окружении, нетрудно заметить усиление тенденции к ассимиляции, что проявляется и в этноязыковой ситуации. При переписи 1989 года лишь две трети мордовского населения назвали родным языком мордовский (в 1970 — около 77 %, в 1979 — 70,9 %). Доля лиц, назвавших родным язык своей национальности, составляла в городской местности немногим более 57 % (десятью годами раньше — около 60 %), в сельской — 82,9 % (в 1979 году — 83,7 %). Каждый третий мордвин считает родным языком русский, причем в городской местности таковых значительно больше (57,3 %), чем в сельской (16,8 %).

Образовательный уровень мордовского населения Башкирии относительно высокий, но все же он несколько ниже среднереспубликанского. В 1989 году на тысячу человек занятого населения приходилось: 51 чел. — с высшим, 5 — с незаконченным высшим, 191 — со средним специальным, 358 — с общим средним, 231 — с неполным средним и 137 чел. — с начальным образованием.

Оценивая современную ситуацию, можно достаточно уверенно прогнозировать, что в ближайшие годы сокращение численности мордовского населения в Башкортостане продолжится, его ассимиляция не ослабнет. Республика подписала ряд государственных документов (договоров), в частности, с Республикой Татарстан, Удмуртской Республикой, Чувашской Республикой, где предусматриваются серьезные меры по возрождению культуры, традиций, обрядов и обычаев татар, удмуртов, чувашей, проживающих в Башкортостане. Каких-либо контактов с Мордовией в этом плане пока нет.

И. В. БАХЛОВ, Ю. А. КОНДРАТЕНКО, аспиранты

Бургундский брак 1477 года, т. е. династический брак между сыном императора Фридриха III Габсбурга Максимилианом и дочерью герцога Бургундии Карла Смелого Марии, сыграл значительную роль в истории международных отношений не только XV века, но и последующего времени. В процессе подготовки и заключения брака были затронуты интересы ряда европейских государств, прежде всего Франции и «Священной Римской империи» в лице династии Габсбургов, стремившихся к присоединению бургундских владений к своим родовым землям.

Бургундия представляла собой значительный комплекс земель на северо-западе Европы, находившийся под властью младшей линии французского королевского дома Валуа. Герцоги Бургундии были практически независимы от Франции. В результате удачной династической политики им удалось присоединить к своим владениям Фландрию, Артуа, Франш-Конте, Голландию, Зеландию, Геннегау, Эно, Намюр, Люксембург, Лимбург, Брабант [1, с. 160]. Домен бургундской ветви дома Валуа сложился в основном к 1430 году.

В конце XV века в правовой практике Франции утвердился принцип неотчуждаемости домена, а поскольку герцогство Бургундия являлось апанажем принца королевской крови, то в случае прекращения Бургундской линии оно должно было вернуться к домену французского королевского дома [6, с. 227 — 280]. Но проблема состояла в том, что все земли, вновь вошедшие в апанаж, автоматически отходили к Франции вместе с доменом Бургундии, а в эту сферу попадали и владения «Священной Римской империи», что неизбежно превращало внутренний конфликт в международный [6, с. 280]. Дочь последнего герцога Бургундий — Карла Смелого — стано-

вилась, таким образом, богатейшей наследницей в Европе, руки которой добывались представители многих европейских династий.

Особый интерес в связи с выше-
сказанным представлял этот вопрос
для Франции. Людовик XI настойчиво
добивался брака Марии со своим сы-
ном, дофином Карлом, или братом,
герцогом Карлом Гиенским. В 1470 го-
ду последний из-за этого пошел даже
на вооруженный конфликт с Бургун-
дией [1, с. 89].

Не меньший интерес перспектива заключения бургундского брака вызывала и у правящей в империи династии Габсбургов. Здесь этот вопрос был поднят уже в конце 1462 года [4, с. 361]. Один из союзников императора маркграф Альбрехт Бранденбургский выдвинул план политического союза императора с герцогом Бургундии, подкрепленного в будущем династическим союзом эрцгерцога Максимилиана с Марией Бургундской. Этот план был одобрен папой Пием II в письме к императору от 20 января 1463 года [4, с. 361]. Препятствием его воплощению послужила старая дружба герцога Филиппа Бургундского (отца Карла Смелого) с герцогом Людвигом Ландсгут-Баварским, оформленная системой политических союзов, включающих и пфальцграфа, противника императора. К бургундскому плану вновь вернулись в феврале — марте 1467 года [6, с. 69], когда намечалось сближение императора с баварской партией, но ненадолго, так как сближение не состоялось.

С осени 1469 года начинается новый этап разработки бургундского плана — этап переговоров. В сентябре Фридрих III отправил своего посла — маркиграфа Р. фон Ретельн-Гохберга — к герцогу Карлу Бургундскому на переговоры относительно заключения брака [4, с. 273]. Они продолжались до конца ноября, но практически закон-

чились ничем, так как Карл потребовал себе огромных привилегий: титул римского короля или викария всех имперских земель на левом берегу Рейна. Император отклонил притязания герцога, но переговоры возобновлялись в 1470 и 1471 годах. Фридрих III выдвинул следующий план: Карл становится его наследником и после его смерти — императором, а Максимилиан, женатый на Марии, — римским королем и наследником Карла [4, с. 286]. Но Карл отклонил и этот план. Ф. де Коммин четко обозначил политику Карла Смелого в данном вопросе: «...он вовсе ... не хотел, пока он жив, выдавать дочь замуж, а стремился лишь привлечь к себе тех, кто домогался ее руки, чтобы пользоваться их помощью и услугами» [1, с. 93].

С конца 1470 года в отношениях императора и герцога Бургундии наступило некоторое ухудшение, в значительной степени связанное с новым поворотом политического курса императора — возвратом к союзу с бранденбургской партией [4, с. 308 — 310]. Но в конце 1472 — начале 1473 года император и герцог Бургундии обменялись новыми посольствами: император отправил к герцогу аббата Казанову с предложением о браке, герцог ответил (через своего посла Хагенбаха), что согласен на этот брак лишь в случае признания его имперским викарием. В ходе переговоров на 12 августа 1473 года была назначена личная встреча Фридриха III и Карла Смелого в Трире [4, с. 400 — 401, 411]. Встреча состоялась несколько позже намеченного срока. 2 октября начались официальные переговоры [4, с. 425]. Обсуждались два вопроса: о политическом и военном союзе против Франции и против турок. Параллельно шли тайные переговоры по всем спорным вопросам предыдущих встреч. Переговоры продолжались до середины ноября и закончились неудачей ввиду усиления притязаний Карла Бургундского [1, с. 68]. К началу 1474 года отношения Фридриха III и Карла Смелого окончательно зашли в тупик: герцог встал на сторону партии пфальц-

графа, а император пошел на сближение с Людовиком XI (через эрцгерцога Сигизмунда) и конфедератами. В июле 1474 года началась открытая война между герцогом Бургундии и империей [1, с. 126]. После поражения Карла наряду с вопросом о мире вновь был поднят вопрос о браке Марии и Максимилиана. 17 ноября 1475 года было заключено политическое соглашение Фридриха III с Карлом Смелым [4, с. 534], а в письме от 6 июня 1476 года герцог официально обещал выдать свою дочь Марию за эрцгерцога Максимилиана [8, с. 334 — 335].

С этого времени начинается новый этап разработки плана бургундского брака. В Лозанне, где в тот период находился герцог Карл, в мае — июне 1476 года проходили его переговоры с послом Фридриха III Георгом Геслером (будущим кардиналом) [4, с. 559]. Карл еще раз подтвердил свое решение и обещал прибыть вместе с дочерью к 11 ноября в Кельн, где должно было состояться обручение. Но его задержали неудачи в войне со швейцарцами и герцогом Рене Лотарингским, а 5 января 1477 года он погиб в битве при Нанси [1, с. 186]. Известие о смерти герцога дошло до императора лишь в конце месяца, а 24 января Фридрих III написал Карлу, что их уполномоченные, епископ Георг Мецский и Георг Геслер, пришли к соглашению относительно брака, а на следующий день эрцгерцог Максимилиан уведомил свою невесту и ее отца о готовности к заключению союза [4, с. 573].

Первыми к Франции отошли города по Сомме, которые по Арраскому миру 1435 года возвращались при отсутствии у герцогов Бургундских мужского потомства. Чтобы не обострять отношения, 9 января 1477 года в письме городу Дижону Людовик XI частично признал права Марии на владения ее отца и взял ее под покровительство: «...если герцог убит или взят в плен, то вы можете знать, что вы принадлежите короне и Французскому королевству. Поэтому вы не должны встать под чью-либо другую руку,

кроме нашей» [7, т. 6, с. 113]. 30 января штаты Бургундии признали власть короля при следующих условиях: если герцог Карл погиб и если король защитит права Марии и будет заключен ее брак с дофином [2, с. 121]. Людовик XI решил ускорить события. Французские войска вошли в Артуа, и область отошла к Франции по праву конфискации [1, с. 188].

Король продолжал вынашивать планы брака дофина с Марией Бургундской. Были разосланы эмиссары короля по городам, но имперские территории не стремились попасть под сюзеренитет Франции. Поэтому Людовик XI стал действовать более решительно. Королевские войска вошли в область Эно (владения империи), а их присутствие в Артуа стало угрожать Фландрии [1, с. 190 — 192].

Весной 1477 года Людовик XI принял делегацию дворян, которые вызвались содействовать заключению брака. Ее возглавлял бургундский канцлер Гийом Югоне [1, с. 195]. Тогда же штаты Бургундии окончательно признали Людовика XI законным государем, а 18 марта король даровал Бургундии парламент [2, с. 118 — 119]. В апреле он принял делегацию из Гента, где находилась Мария со своим двором. Горожане просили перемирия в Бургундии и Артуа. Король предоставил послам документ, который свидетельствовал, что окружение Марии ведет тайные переговоры о браке с дофином. Известие об этом вызвало мятеж гентцев, которые захватили герцогиню, казнили канцлера и ряд профранцузски настроенных сеньоров. Тем самым Людовик XI развязал себе руки для ведения военных действий. Французские войска вступили в Пикардию, Бургундию и Франш-Конте [1, с. 199 — 205].

Расправа гентцев с профранцузской партией при герцогском дворе привела к усилению позиций проимперской партии. Глава профранцузской партии епископ Льежский был удален от двора, а представители проимперской партии являющейся герцогини Маргариты и мадам д'Альвен

убедили Марию в необходимости брака с эрцгерцогом Максимилианом [4, с. 225 — 226]. Уже 26 марта 1477 года Мария отправила ему послание [8, с. 140 — 141], в котором сообщала, что осталась верна воле своего отца, считает себя супругой Максимилиана и просит о помощи. 18 апреля 1477 года в Брюгге, где находилась Мария, прибыло посольство императора во главе с епископом Георгом Мецским, Георгом Геслером, архиепископом Иоганном Трирским и герцогом Людвигом Бельденц-Баварским. 21 апреля была совершена церемония заочного бракосочетания Марии и Максимилиана [4, с. 578 — 579]. Бракосочетание эрцгерцога Максимилиана Австрийского и герцогини Марии Бургундской состоялось 19 августа 1477 года в Генте [4, с. 579 — 581]. Бургундский брак был заключен. 23 июня 1478 года у Максимилиана и Марии родился наследник — принц Филипп [8, с. 413 — 414], что закрепило за Габсбургами права на бургундские владения.

Бургундский брак 1477 года имел огромное политическое значение для всей Европы. Одной из важнейших целей императора Фридриха III Габсбурга и Максимилиана с Марией в конце 70 — начале 80-х годов становится поиск новых политических союзников и борьба за сохранение старых, так как бургундский брак был сопряжен с определенными трудностями. На различные владения бургундских герцогов выдвинули свои притязания Виттельсбахи (прежде всего герцог Альбрехт Мюнхен-Баварский) — на Голландию, Зеландию, Фрисландию и Геннегау; Ягеллоны (Владислав Чешский) — на герцогство Люксембург; эрцгерцог Сигизмунд Тирольский разработал план создания герцогства Швабия [4, с. 579 — 580], не говоря уже о французских интересах в Бургундии (Людовик XI писал 11 апреля 1478 года жителям Труа, что надо «...вернуть и подчинить нашей власти земли, захваченные нашими врагами в наших герцогстве и графстве Бургундии» [7, т. 7, с. 24]).

Император и Максимилиан с Мари-

ей предприняли в связи с этим ряд мер: герцогу Альбрехту Баварскому была отдана в супруги дочь императора Кунигунда [5, с. 327]. Владиславу Чешскому был обещан политический союз против Венгрии и подтверждено признание его королем Чехии, Сигизмунд Тирольский получил от Максимилиана с Марией заложенные им родовые земли на левом берегу Рейна [8, с. 391 — 392].

Чрезвычайно сложными были отношения Максимилиана и Марии с Францией. Разгорелся длительный военный конфликт, в котором помощь Бургундии оказал Фридрих III. Благодаря его содействию в марте — июне 1478 года войну Людовику XI объявили практически все курфюрсты и многие имперские князья [8, с. 321 — 328]. Император пытался привлечь на сторону Максимилиана и Марии иностранных правителей, в частности Кристиана I Датского [8, с. 312]. Людовик XI также предпринял ряд мер, направленных на закрепление бургундских владений за Францией. В августе 1478 года он получил генеалогию своих прав на герцогство и графство Бургундию [3, с. 71], что делало его законным их сеньором.

Военные действия (с перемириями) продолжались до 1483 года, когда незадолго до смерти Людовика XI (30 ав-

густа) в Аррасе был заключен мир между Францией и Бургундией. Максимилиан (Мария умерла в 1482 году) был вынужден признать сюзеренитет короля Франции над Фландрией и дать согласие на брак своей дочери Маргариты с дофином Карлом [4, с. 726]. Но впоследствии условия договора были нарушены.

Бургундский брак 1477 года был крупным дипломатическим успехом Фридриха III, так как приобретенные Габсбургами владения имели важное экономическое (в их руках оказался почти весь западный торговый путь, связывавший Средиземное море с Северным), стратегическое (Габсбурги приобрели своеобразный ключ к Северо-Западной Италии, бургундские владения занимали территорию, с которой можно было постоянно угрожать как Франции, так и Англии) и политическое значение (усилилось общеевропейское влияние дома Габсбургов и тем самым повысился их династический статус).

Отрицательным итогом бургундского брака было появление у Габсбургов могущественного противника в лице Франции. Австро-французские противоречия стали с этого времени одной из доминант европейской политики (итальянские войны XVI века, Тридцатилетняя война и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коммисс Ф. Мехуарс. М.: Наука, 1987. 496 с.

2. Маслов Р. А. Людовик XI и города Бургундии // Из истории Франции. Уфа, 1961. С. 53 — 145.

3. Маслов Р. А. Отношение бургундских феодалов к борьбе королевской власти за присоединение герцогства к Франции // Из истории Франции. Уфа, 1972. С. 47 — 74.

4. Bachmann A. Deutsche Reichsgeschichte im Zeitalter Friedrich III und Maximilian I. Bde 1, 2. Leipzig: Staatsverlag, 1884 — 1885. Bd. 2. 740 S.

5. Herm G. Der Aufstieg des Hauses Habsburg. Wien: Herder Verlag, 1988. 331 S.

6. Histoire des institutions de l'époque française à la Révolution. Paris: Belfond, 1987. 280 P.

7. Lettres de Louis XI. Ed. E. Charavay et J. Vaesou. T. 1 — 11. Paris: Univ., 1883 — 1909. T. 6, 7.

8. Monumenta Habsburgica. Hrg. v. J. Chmel. Bde 1 — 5. Wien: Kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1855 — 1858. Bd. 2. 947 S.

Литературоведение

Г. БЕЛЛЬ — МОРАЛИСТ

Н. Н. КУДАШОВА, кандидат филологических наук

Отношение к известному немецкому писателю Генриху Беллю (1917. — 1985) неоднозначно как в немецкой критике, так и у нас в стране. Некоторые исследователи считают его несовременным, старомодным писателем.

В отечественной критической литературе Г. Белль известен как видный представитель «поколения вернувшихся», последователь основоположника этого направления — Вольфганга Борхерта (1921 — 1947)*. Многие произведения Г. Белля изданы в Советском Союзе. О нем писали наши видные литературоведы [2 — 4].

Г. Белль принадлежит к числу первых молодых западногерманских писателей, с которыми советский читатель познакомился в начале 50-х годов. С 1956 года его произведения регулярно печатались в наших журналах. В 1973 году Белль подверг резкой критике преследования творческой интеллигенции в Советском Союзе. В результате с 1974 по 1985 год на издание его произведений в нашей стране был наложен запрет. Это было связано также и с тем, что Белль был на стороне советских писателей, выступавших против того, чтобы партия и государство контролировали литературу. В частности, он поддерживал Александра Солженицына.

Генрих Белль родился в 1917 году в Кельне в многодетной семье краснодеревщика. Кризис 20-х годов подорвал благополучие семьи. Гимназию Белль заканчивал в годы фашистской диктатуры. Уже в юности будущий писатель показал свое негативное отно-

шение к фашизму. В частности, будучи гимназистом, Генрих Белль не вступил в «гитлерюгенд». Но тем не менее с 1939 года ему пришлось принять участие в боевых действиях гитлеровской армии (правда, в 1945 году он дезертировал). Г. Белль всегда был противником насилия. «Он неутомимо выступал против войны, угнетения и тирании — и был услышан во всем мире», — читаем на страницах «Франкфуртер алльгемайне цайтунг» в связи с кончиной Г. Белля [6].

Возможно, ненависть к фашизму и заставила Белля взяться за перо [5]. Ведь в литературу он пришел, когда ему было уже за тридцать. Его первый рассказ «Весть» («Die Botschaft», 1947) посвящен теме войны и тесно связанной с ней нравственной проблематике (за что писателя иногда скептически называли «моралистом»). И в последующих своих произведениях («Поезд пришел вовремя» — «Der Zug war pünktlich», 1949; «Путник, когда ты придешь в Спа ...» — «Wanderer, kommst du nach Spa ...», 1950) Белль пытается осмыслить реальность не только руин и разрухи, но и крушения нравственных ценностей и надежд.

Проблеме вины и ответственности немцев за развязанную гитлеровцами войну посвящает писатель и свой роман «Где ты был, Адам?» («Wo warst du, Adam?», 1951) [1]. Известный литературовед А. В. Карельский пишет, что Г. Белль возлагал большие надежды на религиозность человека: «В романе «Где ты был, Адам?» она (религиозность. — Н. К.) была единственным противовесом торжествующему злу; в храм не забывал заглядывать деловитый работяга Вальтер Фендрих,

* В немецкой критике литература «поколения вернувшихся» известна под названием «литература развалин» («Trümmerliteratur»).

туда ходили на встречу со своей со-
вестью герои ранних новелл Белля»
[2, с. 21].

Генриха Белля часто несколько пренебрежительно называли писателем «маленьких людей». И действительно, тема «маленького человека» в его творчестве всегда на переднем плане. Писатель все время обращается к образу «чудака», «белой вороны». В 1951 году выходит его рассказ «Белая ворона» («Die schwarzen Schafe»), за который он удостоен литературной премии «Группы 47». «Это не только неустроенность, обособленность от других, обусловленные внешними факторами, — это и принципиальное осознание своей непохожести и, как правило, — подчеркнутое нежелание стать иным, приспособиться, «вписаться» в общую картину, потому что для героев Белля это значит поступиться своим внутренним достоинством. Если это не всегда осознает сам герой, то самый факт его «отстранения» писателем как бы автоматически присоединяет его к многочисленному роду "белых ворон"» — метко характеризует героев Белля А. В. Карельский [2, с. 11].

Да, герой Белля всегда пытается сохранить человеческое достоинство, свою внутреннюю независимость. Об этом и повесть писателя «Хлеб ранних лет» («Das Brot der frühen Jahre», 1955). Чувство собственного достоинства герой Г. Белля не теряет нигде: ни на войне («Когда кончилась война» — «Als der Krieg zu Ende war», 1961), ни в послевоенной действительности («Бильярд в половине десятого» — «Billard um halb zehn», 1959; «Глазами клоуна» — «Ansichten eines Clowns», 1963). Правда, для персонажей романа «Бильярд в половине десятого» единственная возможность сохранить достоинство — это не участвовать в истории, жизни общества. Пристальным вниманием и симпатией окружены в романе те, «кто, претерпевая социальное зло, не теряет способности жить по совести, не поступаясь нравственным достоинством. И хотя живут эти герои, как правило, ли-

бо неблагоприятно, либо крайне неблагоприятно, они наделены такой внутренней цельностью, которая помогает им сносить невзгоды и нужду, смотреть на принявших «причастие буйвола» с чувством спокойного, а иногда и веселого превосходства» [4, с. 311].

Нужно подчеркнуть сатирическое начало в творчестве Белля («Белая ворона» — «Die schwarzen Schafe», 1951; «Не только к рождеству» — «Nicht nur zur Weihnachtszeit», 1952; «Молчание доктора Мурке» — «Doktor Murkes gesammeltes Schweigen», 1955). С помощью сатиры, иронии писатель пытается показать связь времен — фашистского прошлого с настоящим. Оказывается, и в век «экономического чуда» беллевский герой чувствует себя одиноким. Типичным персонажем является Ганс Шнир, главный герой романа «Глазами клоуна». Г. Белль, будучи религиозным человеком, делает своего героя атеистом. Ганс Шнир — клоун, пародист, обличитель пороков окружающей действительности. Этот роман в критике называли «кризисным», а его автора обвинили в выпадах против католической церкви.

На наш взгляд, беллевский Ганс Шнир символичен, «Смех сквозь слезы и слезы сквозь смех — для литературы привычная маска и вечная тема, но каждый раз она, возникнув, тревожит как в первый раз, — потому что это сочетание смеха и слез всегда сигнализирует нам о необычайно глубокой, трагической растерянности чувств», — справедливо замечает А. В. Карельский [2, с. 22].

Сатира всегда была излюбленным приемом Белля. Иронией пронизаны как ранние, так и более поздние произведения писателя («Групповой портрет с дамой» — «Gruppenbild mit Dame», 1971; «Утраченная честь Катарины Блум, или Как возникает насилие и к чему оно может привести» — «Die verlorene Ehre der Katharina Blum oder: Wie Gewalt entstehen und wohin sie führen kann», 1974). Правда, в повести «Утраченная честь Катарины Блум» преобладает не столько иро-

ния, сколько сарказм. В этом произведении Г. Белль особенно гневно, даже язвительно лижет об обществе, о существующих в нем беспорядках. Что же заставило Катарину Блум потерять честь? Оказывается, ее преступление состоит в том, что она полюбила человека и помогла ему скрыться от полиции, не зная, что тот преступник. Пресса затравила бедную девушку. Она представляется как «подруга бандита», «безбожница», «коммунистка». Этот поток грязи убивает смертельно больную мать главной героини. И самое страшное, что никто не может защитить невинных. Более то-

го, начинается травля всех, кто пытается вступить за Катарину.

В своих произведениях Г. Белль обличает государство, которое не может защитить граждан от произвола полиции, прессы. Но внешне беззащитный, «маленький человек», главный герой Белля, всегда и во всем оказывается выше и сильнее общества, в котором он живет. Возможно, поэтому герои писателя навсегда останутся близкими и понятными читателю, так как они обладают высокой нравственностью, непоколебимым достоинством, силой, добротой, внутренней красотой и мудростью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белль Г. Где ты был, Адам? М.: Гослитиздат, 1963. 248 с.
2. Карельский А. В. Генрих Белль и его герой // Белль Г. Мое печальное лицо: Рассказы и статьи. М., 1968. С. 3 — 23.
3. Млечина И. В. Литература и «общество потребления». Западногерманский роман 60-х — начала 70-х годов. М.: Худож. лит.,

1975. 238 с.

4. Рудницкий М. Л. Генрих Белль // История литературы ФРГ. М., 1980. С. 295 — 326.

5. Böll H. Mein trauriges Gesicht: Erzählungen und Aufsätze. М.: Прогресс, 1968. 366 с.

6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1985. 18. Juli.

О НЕКОТОРЫХ ФРАГМЕНТАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Е. ЕВСЕВЬЕВА

В. И. РОГАЧЕВ, старший преподаватель
МГПИ им. М. Е. Евсевьева

Имя М. Е. Евсевьева широко известно среди ученых — фольклористов и языковедов, историков и этнографов, педагогов и музееведов. В последнее время мы наблюдаем всплеск интереса к его деятельности. Это далеко не случайно. Своими трудами М. Е. Евсевьев обогатил науку данными о мордовском народе. Его работы до сих пор остаются непревзойденными по богатству, глубине и разнообразию собранного фактического материала, к которому ученые прибегают как к достоверному первоисточнику.

Нас заинтересовал такой аспект его работы, как переводы книг церковно-религиозного содержания и создание учебной литературы для мордвы.

Исследователь мордовских языков профессор А. П. Феоктистов отмечает, что в своей практике переводов с русского и со старославянского на мордовские языки Евсевьев широко использует принцип лексического развертывания, который получил распространение в переводах еще во второй половине XVIII века. Например: ангел — **пазонь уре**, букв. «слуга божий», пустыня — **чаво тарка**, букв. «пустое место», предтеча — **икеле молица**, букв. «впереди идущий», раскол — **коень коламо**, букв. «порча». Весьма характерно для переводов Евсевьева расширение семантики мордовских слов: обетованный — **алтазь**, букв. «обещанный», святой — **ванькс**, букв.

«чистый», проповедь — ентамс, букв. «рассказывание», религия — кой, букв. «привычка» [3, с. 67 — 68].

Представление о литературном таланте и способностях Евсевьева как переводчика можно получить по такому его переводу, как «Крещение Руси при святом князе Владимире», изданном в 1888 году на эрзянском и в 1891 году на мокшанском языке. По жанровой природе это произведение можно отнести не столько к этнографии, сколько к историческому очерку.

«Крещение Руси при святом князе Владимире» — произведение, созданное под воздействием миссионерских идей. Задача переводчика состояла в том, чтобы донести до читателя исторические коллизии крещения мордвы, дух языческих времен, философию и психологию мордвы этого периода. Надо отметить, что Евсевьеву это в полной мере удалось. Переводчик разворачивает перед нами картину языческих религиозных верований мордвы. Он повествует, что в дохристианскую эпоху мордва поклонялась целому пантеону божеств: «ульнесь сынст менельсэ чи Пазост, мастор лангсо мастор Пазост, ульнесь пургине Пазост, варма Пазост...» [3, с. 242]. Повествование ведется свободно, лаконично. Евсевьев находит определения, подбирает религиозные термины и понятия для описания мордовских богов. Знатоки языческих обрядов и традиций мордвы, Евсевьев, используя приемы литературного обобщения и типизации, на примере одного эпизода глубоко раскрывает и поясняет читателю суть религиозного действия: «Весе не пазтнэненъ озныльть: пурнавильть веленек ве таркас — вирь чувто алов, эли паксяс — лей чирес» [3, с. 242]. Автор не упускает в описании ни одной детали, что немаловажно для создания целостного представления. Мы узнаем, что мордва тщательно готовилась к ритуалу: «Печкильть раветь, галат, атякшт; велень кувалт пурныльть алт, ямкст, медь; пидильть ям, каша, кантлильть ал пачалксеть, теилть пуре» [3, с. 242].

Переводчик как бы разбивает дей-

ствия на несколько эпизодов — отсюда ступенчатость, растянутость во времени. Евсевьев отдельно описывает сцену моления: «Кода весе янокставильть, кармилть озномо: арыльть весе рядс чинь стямоенов, вейке пурназь ознытсэ атя, эли баба карми озномо — сюконякшнумо, ды минень тсюнонь моткодыме; эрва ярсамосто печки эрва паро таркасто печтень петь, каясынзе чувтонъ юрс пазтнэненъ ярсамс. Мейле сынсь как кармилть ярсамосимемс» [3, с. 242]. Автор со знанием этнографических подробностей дает детальную зарисовку языческого моления — озка. Для текста характерны описательность, бытовые подробности, детализация, документальная достоверность.

В произведении четко прослеживается авторская концепция по отношению к языческим молениям: «... ознытсэ атя, эли баба карми озномо — сюконякшнумо, ды минень тсюнонь моткодемс» [3, с. 242]. Почти в каждой строке у Евсевьева сквозит ирония по поводу изживших себя ветхозаветных обрядов.

Художественное воображение Евсевьева воспроизводит и эпизоды домашнего моления мордвы, которые интригуют читателя своеобразием и экзотичностью. Таковы, к примеру, моления мордвы домашним богам, собирающимся, по поверью, у порога и нуждающимся в пище, которой их во время моленья обильно потчуют. Автор иронизирует над экзотическим обрядом язычников: «...кенкш пряс кирвастильть штатол ды кармилть кенкш кочкаряс озномо. Тердилизь се кенкш кочкарянтень весе пазтнень, кулозтнень, каилть тенст пенчень пенч эрва ярсамосто, валыльть пия, пуре, симемкс тенст» [3, с. 242 — 243].

Автор проявляет себя как прекрасный стилист, он тонко чувствует нюансы языческой религии и находит яркие языковые средства при ее описании. Для переводчика характерно знание исторических подробностей крещения мордвы на протяжении значительного исторического отрезка — с XVII по XVIII век включительно.

Данный перевод получил высокую оценку у А. Ф. Юртова, автора первого мордовского букваря, переводчика церковных книг, издателя фольклорных сборников, учителя Евсевьева. В своем письме Н. И. Ильминскому, профессору, члену-корреспонденту Российской академии наук, он пишет: «Перевод (правильнее, по-моему, переложение) «Крещения Руси» на эрзянский язык, сделанный Макаром Евсевьевичем, очень хорош, так что ни одной книги нет еще, так хорошо переложеной на мордовский язык» [1, с. 61].

Для исследователя-литературоведа представляет интерес и перевод на эрзянский язык «Евангелия от Луки», изданный в 1910 году и ставший вершиной искусства перевода религиозных текстов. В нем отсутствуют следы буквального или дословного перевода. М. Е. Евсевьев направил все свои усилия на то, чтобы самыми понятными и доступными для читателя средствами передать по-эрзянски текст, в том числе специфические и идиоматические выражения. Этот способ, по словам профессора А. П. Феоктистова, позволил переводчику использовать удачные лексико-фразеологические обороты: *аволь те чистанть* — «не от мира сего»; *чаво таркасо сверицянь вайгель* — «глас вопиющего в пустыне» и другие [3, с. 75].

В поисках мордовских эквивалентов старославянских лексических единиц переводчик в ряде случаев прибегнул к расширению семантики некоторых исконных слов и тем самым перевел их в разряд неологизмов. К таким образованиям, по мнению языковедов, можно отнести следующие: *аламонь*, *кемиця* — «маловер», *амазы* — «нечистый», *апаро ломань* — «злодей», *виде чи* — «истина», *кшнис пүтөзь ломань* — «узник», *максыця* — «предатель», *шачома мастор* — «отечество». [3, с. 76].

Для Евсевьева-переводчика характерен поиск слова, создание словосочетаний, помогающих познанию человеком явлений, их осмыслению. Слово и мысль у него неразрывны. Автор понимает, что слово, как и всякое сужде-

ние, несет в себе отражение явления, известное отношение к нему, оценку — отсюда такой скрупулезный подход к подбору слов, такое богатство языковых средств и, как правило, совершенство литературного перевода. Евсевьевская работа мысли в языке сказывается и в чрезвычайной детализации явления, если оно требует подробного осмысления. Это выражается в привлечении им синонимов, позволяющих уловить нужный нюанс.

Задача Евсевьева-переводчика осложнялась тем, что в мордовских языках отсутствуют слова высокого стиля. Но он успешно справился с этой проблемой, используя слова соответствующей эмоциональной окраски. Подбирая лексику определенной тональности, используя неологизмы, komponуя эмоционально-смысловые блоки, Евсевьев смог усилить звучание переводов. Торжественность, необычность образов подчеркивается соответствующим словарем и контекстом.

В соответствии с теми специфическими задачами, которые решает автор, он определяет и принцип отбора речевых средств. Язык оригинальных и переводных произведений Евсевьева может быть понят лишь в связи с той образной системой, которая лежит в основе произведения и определяет мотивировку и отбор лексических, синтаксических средств, привлекаемых для решения литературно-художественных задач.

Научные материалы, опубликованные в последнее время профессором Е. Г. Осовским, открывают еще одну сторону деятельности М. Е. Евсевьева, касающуюся его перевода «Мордовской свадьбы» с мордовского языка на русский. В статье «М. Е. Евсевьев и Неофилологическое общество» он проанализировал записки Неофилологического общества, в которых дается высокая оценка деятельности М. Е. Евсевьева.

Член-корреспондент Петербургской академии наук А. Н. Пыпин, известный фольклорист и этнограф, автор четырехтомной «Истории русской этнографии», отметил, что труд Ев-

савьева заслуживает полного поощрения, и выразил пожелание, чтобы он продолжил полезное дело собирания песен, преданий и обычаев своих соотечественников, обратив внимание на культурное влияние русских и наоборот [2].

Секретарь общества Ф. Д. Батюшков, доцент Санкт-Петербургского университета, представивший на этом заседании записи мордовской свадьбы, отметил: «В присланном докладе изложены свадебные обряды мордвы, обычные у наших инородцев в Симбирской, Казанской и Нижегородской

губерниях. Обряды эти во многом сходны с великорусскими, но отличаются по составу песен, которые при сем случае распеваются невестой и ее подругами. М. Е. Евсевьев сообщил мордовский текст этих песен с переводом *per dant* по-русски. Перевод прекрасно выполнен, и, кстати заметить, мордовские песни отличаются замечательной образностью языка и картинностью сравнений» [2, с. 4 — 5]. Эта оценка является своего рода подтверждением широкого творческого диапазона ученого и просветителя М. Е. Евсевьева.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мокшин Н. Ф. Сон ульнесь ваденцекс // Сятко. 1993. № 7 — 8. С. 54 — 64.
2. Осевский Е. Г. М. Е. Евсевьев и Неофилологическое общество // Филологический за-

метки. Саранск. 1993. С. 3 — 6.

3. Февкстистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. М.: Наука, 1976. 258 с.

Языкознание

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ФРЕЙМОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

(НА МАТЕРИАЛЕ НАМЕЦКИХ И АНГЛИЙСКИХ
ГЛАГОЛОВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ)

А. Н. ЗЛОБИН, кандидат филологических наук

На современном этапе в сфере контрастивной лингвистики возникает необходимость привлечения концепций, методов и результатов, характерных для других научных дисциплин. Эпистемологическое сотрудничество позволяет использовать единые интегрированные методы исследования [6, с. 9], выработке которых способствует представление знаний, используемое в системах искусственного интеллекта.

Способом представления знаний, дающим возможность перевода языковой интуиции в рациональные формы и отвечающим в наиболее полной мере принципам структурности и экспли-

цитности, является теория фреймов М. Минского [4]. Выбор фреймов обоснован тем, что традиционные процедуры описания семантики, в том числе и компонентный анализ в чистом виде [1], оказались неспособными ответить на вопросы новых когнитивно-ориентированных семантических методик, предполагающих раскрытие содержательных взаимоотношений лексических единиц.

В связи с необходимостью структурирования информации, получаемой человеком [5], систематизация лексики приобретает важное значение для изучения лексических закономерно-

стей больших массивов слов и особую значимость для контрастивного анализа языков [2]. Для этой цели представляется целесообразным применение постулата о фреймовой организации определенного участка лексической системы, что служит предварительным этапом создания определенной базы для сопоставительного изучения лексико-семантических групп (ЛСГ) слов.

Отправным моментом предлагаемой концепции сопоставления на базе фреймов является то, что анализируемая ситуация может быть переиздана с языка собственно когнитивных фреймов на язык семантики [3, с. 276]. Основываясь на этом положении, мы строим фреймы распознавания, т. е. минимальные описания (структуры), которые выражают сущность репрезентируемого процесса, позволяя тем самым вычленить его из окружающего мира. Компоненты, входящие в состав фреймов распознавания, можно представить в качестве субкомпонентов, а полученную в результате структуру — как субфрейм. Семантически близкие друг другу фреймы и субфреймы связываются в систему, основой которой является исходный фрейм (суперфрейм). При использовании фреймов учитывается их двойственная природа [7]. Отсюда — использование фреймов как метаязыка и метаструктуры для сопоставительного изучения ЛСГ слов.

Применение фреймов в процессе

изучения глагольной номинации, представленной в немецких и английских глаголах передвижения, способствовало созданию как концептуальной схемы для семантической детализации сферы движения и ее составной части — передвижения, так и структуры (модели) для выявления реализации этой схемы в глагольных единицах обоих языков. Построенные на базе суперфрейма движения модели фрейма и субфрейма передвижения с входящими в них фреймами и субфреймами действия дали возможность эксплицировать семантическое структурирование подсистем исследуемых немецких и английских глаголов передвижения, определить их количественные и качественные характеристики и проследить соотношение последних в обоих языках.

Использование фреймовой организации для исследования подсистем глаголов передвижения близкородственных языков позволило на принципиально новой основе разложить на составные части не разделяемое в действительности понятие передвижения и более детально изучить особенности глагольной номинации в сфере передвижения немецкого и английского языков.

Эта методика может быть использована при последующем изучении лексических группировок в разных языках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боллинджер Д. Атомизация значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 200 — 234.
2. Вердиева З. П. Систематизация лексики и вопросы контрастивной лингвистики // Контрастивная лексикология: Сб. науч. тр. Баку, 1990. С. 3 — 7.
3. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 309 с.
4. Мияский М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
5. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991. 168 с.
6. Тарасова Е. В. Языковое поле как единица дидактической типологии: Учеб. пособие. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1991. 111 с.
7. Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знания в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: Сб. науч.-аналитич. обзоров. Сер. Теория и история языкознания / РАН ИНИОН. М., 1992. С. 98 — 123.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ УСТАНОВКИ В ДИАЛОГЕ ТИПА ИНТЕРВЬЮ

Ю. Ю. ЗАЙЧИКОВА, аспирант

В последнее время в лингвистике большое внимание уделяется коммуникативному аспекту языка, то есть вопросам, связанным с различными формами речевого общения, а именно, обычным диалогом, дискуссией, интервью. Во всех перечисленных формах коммуникативная функция языка представлена достаточно полно, но наиболее ярко она раскрывается в интервью.

Интервью (англ. interview) — «...жанр публицистики, представляющий собой беседу журналиста с одним или несколькими лицами по вопросам, имеющим актуальное общественное значение» [8, с. 155]. Интервью подразделяются на два вида: интервью-сообщение, преследующее главным образом информационную цель, и интервью-мнение, комментирующее известные факты и события. Формы общения и своеобразие самой ситуации во многом определяют характер прохождения интервью и диктуют выбор выразительных средств. Это может быть как целенаправленная беседа интервьюера и респондента, так называемые стандартизированные (формализованные) интервью, так и свободное интервью — длительная, непринужденная беседа, в которой вопросы интервьюера обусловлены конечной целью исследования.

Как отмечают многие авторы, в интервью в отличие от других видов диалогической речи происходит активное взаимное влияние интервьюера и опрашиваемого [3, с. 40]. Нередко последний руководствуется при ответе своими предубеждениями (например, нерасполагающие возрасту или внешности интервьюера и т. д.). Поэтому интервью следует считать наиболее сложным видом общения и рассматривать скорее как искусство, чем как стандартный прием.

Поскольку интервью — такой вид диалога, развертывание которого во многом зависит от внешних условий и регулируется экстралингвистическими факторами и нормами, то оно существенно отличается, например, от дискуссии или от обычного диалога: в первом случае мы имеем полную, развернутую форму высказывания, во втором — эллиптические фразы, эмоционально окрашенную лексику и спонтанный характер речи [2, с. 101]. Вопросы, задаваемые интервьюером, реализуют коммуникативную установку в целом и выявляют социально-психологическую установку опрашиваемого, его отношение к условиям своей жизни и определенным событиям.

Независимо от вида интервью (политическое, спортивное, культурное) существуют общие правила построения вопросов: они должны ставиться в логической последовательности, интерес респондента должен расти от вопроса к вопросу, не следует задавать слишком сложных или интимных вопросов (хотя бывают и исключения), формулировки вопросов должны соответствовать образовательному уровню опрашиваемого.

Отметим, что характер построения интервью определяется обоими участниками беседы, но, как правило, инициатива исходит от спрашивающего. Он должен сформулировать свой вопрос так, чтобы респондент как можно полнее осветил его. Употребление того или иного функционального типа высказывания позволяет оптимизировать диалогическое общение. Анализируя словорасположение в реакциях-высказываниях и подразделяя реплики-вопросы на местоименные и неместоименные, можно определить доминирование того или иного типа вопроса.

Примеры: 1) Und wann schreiben Sie? Wieviel Stunden

- arbeiten Sie am Tag?
- 2) Und aus welchen Büchern haben Sie gelesen heute?
- 3) Seit wann schreiben Sie?

Порядок слов в реакциях-высказываниях мотивируется требованиями коммуникативного членения, эмоциональными факторами и параметрами самой коммуникативной ситуации.

Примеры: 1) Sie schreiben nach Ihrer Arbeit?

(Порядок слов, типичный для разговорной речи.)

- 2) Durch Ihre Berufstätigkeit sind Sie erst wieder zum Schreiben gekommen?
- 3) Aber Sie hatten wieder Kontakte?
- 4) Sind das bisweilen nicht zwei Seelen, die da in einer, in Ihrer Brust Platz finden müssen?

Структура отдельных высказываний в интервью полностью зависит от вида диалога, характера взаимосвязанных реплик. А. Р. Лурия пишет по этому поводу: «...функцию формирования мысли берет на себя собеседник, задающий вопрос, и для меня не остается ничего другого, как ответить на этот вопрос» [7, с. 34].

В интервью доминируют короткие предложения. Как указывает К. А. Долинин, в устном общении «...такие фразы воспринимаются как вполне разговорные — в противоположность некоторым иным нередко синтаксически менее сложным, но типично "книжным"» [5, с. 65].

Рассмотрим такую характеристику интервью, как спонтанность. Интервью может рассматриваться как речевое целое, единый текст. Оно также может затронуть как одну, так и несколько проблем.

Примеры: 1) Würde man Ihre Stücke exakt nach Textbuch spielen, dann wären Sie ja viel länger als

diese zweieinhalb Stunden.

- 2) Ihre Stücke werden nicht mit ganzer Liebe auf deutschen Bühnen gespielt. Auch Ihr letztes Stück, die «Judith» ist nicht in Deutschland, sondern in England, genau gesagt in Glasgow, aufgeführt worden.

Как видно из приведенных примеров, в качестве вопросов здесь выступают декларативы, их может быть несколько. Структура таких повествований представлена как сложносочиненными, так и сложноподчиненными предложениями, нередко с многочисленными подчинениями. Необходимо также отметить тот факт, что в интервью, с одной стороны, всегда присутствует признак предварительного обдумывания вопроса — это убеждение респондента, его опыт, а с другой стороны, контактная форма общения обуславливает его спонтанный характер. Интервьюирование проходит обычно после ознакомления с темой разговора. Спрашивающий заранее формирует свое отношение к основным вопросам, которые становятся предметом обсуждения.

Примеры: 1) In Ihren Texten ist zu lesen, das Sie trinken. Sie können grob und scharf formulieren. Kritiken bringen Sie mit Charles Bukowski in Verbindung.

- 2) Liebe, Zärtlichkeit, Wärme sind zentrale Kategorien in Ihren Arbeiten. Hat sich das bis heute nicht geändert?

В процессе говорения могут проявляться различные оттенки речи со стороны как спрашивающего, так и опрашиваемого. Респондент может волноваться, сбиваться, пытаться что-либо объяснить или убедить собеседника, поэтому он часто прибегает к повторам, что обусловлено динамикой уст-

ной речи. Некоторые из вышеперечисленных признаков могут быть характерны и для вопросов корреспондента.

- Примеры: 1) Es war zumindest am Anfang die Hoffnung auf ein besseres Leben, auf ein schöneres, ein... ein ganzheitliches Leben.
- 2) Herr Schneider, wenn ich Sie nach Ihrem... nach Ihrer Position frage...

Как видно из примеров, высказывания в интервью не всегда строятся по правилам. Ограниченное время обдумывания, строгий регламент проведения интервью, быстрый темп беседы не способствуют строгой нормализации фраз.

Часто можно встретить вопрос в виде незаконченного декларатива, поскольку респондент, угадывая, о чем идет речь, прерывает корреспондента и отвечает на вопрос.

- Примеры: 1) Sie haben mal ein Essay geschrieben, «Zensur in Deutschland», wo das ganze öffentlich-rechtliche System der Kulturförderung...
- 2) Es gibt Kritiker, die...
- 3) Also auch einen Brief den ich geschrieben habe...

Анализ материала показал, что интервью несет в себе определенную эмоциональную нагрузку, связанную с личностной оценкой спрашивающим и респондентом того или иного факта. Человеку не часто удается передать «чистую» информацию без собственной оценки. Утверждая, разъясняя, отстаивая свое мнение, а также критикуя чью-либо точку зрения, коммуниканты опираются не только на систему логической аргументации, но и на силу эмоционального воздействия, что находит выражение в их речи: «...эмоциональная оценка направлена на то, чтобы изменить эмоциональное состояние собеседника...» [8, с. 41]. Оценивая что-либо, коммуниканты наряду с логической констатацией факта выра-

жают свою собственную субъективно-чувственную оценку, связанную с образностью, экспрессией. По мнению Г. Н. Иваниной, «...процесс коммуникации немалым без выражения говорящим своего субъективного отношения к тому или иному факту субъективной действительности, т. е. "оценки"» [6, с. 64]. Под оценкой понимают выражение говорящим своего положительного или отрицательного отношения к предмету сообщения. Она может иметь рациональный и нейтральный характер. Человек соотносит объект познания со своими ценностными установками, выражает свое положительное или отрицательное отношение, не обнаруживая при этом эмоционального отношения к оцениваемому [10, с. 65]. Сам факт оценки человеком какого-либо явления есть свидетельство того, что это явление оказалось включенным в круг его интересов и, следовательно, не может оставить данную личность беспристрастной, безразличной. Как отмечает Б. И. Додонов, «...деятельность, поддерживаемая эмоциями человека, протекает, как правило, много успешней, чем деятельность, к которой он себя принуждает одними холодными доводами рассудка» [4, с. 39].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что коммуникативная сторона общения в интервью не сводится лишь к процессу передачи и приема информации, так как в нем она еще и формируется, развивается, уточняется. Участники выступают как активные субъекты деятельности, осмысливающие и анализирующие сообщение в соответствии с тем, как они воспринимают цели, мотивы, установки друг друга. Из исследований коммуникативной стороны общения также следует, что для коммуникатора и реципиента смысл воспринимаемого и передаваемого сообщения не совпадает, что коммуникация представляет собой асимметричный процесс. Большое значение имеет также то, как участники общения воспринимают друг друга. Данная зависимость отмечается во многих исследованиях. Так, А. А. Бода-

лев указывает, что «...отрицательный результат общения часто оказывается следствием неадекватного отражения общающимися друг друга, недостаточности или неправильного истолкования информации, которой каждый из них располагает» [1, с. 6]. Восприятие людьми друг друга в совместной деятельности представляет собой сложный процесс, точное содержание которого пока не определено. Наиболее полную его характеристику дает О. К. Тихомиров: «Межличностное познание включает в себя формирование представлений об образе мыслей другого человека, стиле его мышления, представлениях о том, что он думает по поводу того, что мы думаем о нем... Познание другого человека — это по-

знание его целей и мотивов... это умение посмотреть на предметную ситуацию и других людей с точки зрения познаваемого человека» [9, с. 147].

Как видно, межличностное восприятие в интервью приобретает особое значение, так как именно оно определяет стратегию взаимодействия коммуникантов, степень их взаимопонимания и в конечном счете успешность деятельности. Анализируя интервью, можно сделать вывод, что в инициирующих репликах позиции вопросов и их комбинации (доминирующим, как правило, является местоименный вопрос) регулируются установкой коммуниканта, коммуникативной интенцией высказывания и другими параметрами актуализации общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 217 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 226 с.
3. Девнин В. Д. К вопросу о прагматике речи // Сб. науч. тр. Моск. ин-та иностр. яз. М., 1988. С. 31 — 59.
4. Додонов В. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
5. Долнин К. А. Об одной характерной черте синтаксиса спонтанной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1972. С. 61 — 67. (Тр. Горьк. пед. ин-та. Вып. 49).
6. Иванкина Г. Н. Выражение оценки в процессе коммуникации // Сб. науч. тр. Моск. ин-та иностр. яз. М., 1988. С. 61 — 73.
7. Лурья А. Р. Курс общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 195 с.
8. Новиков Н. В. Специфика и проблемы интервью как техники исследования // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 5. С. 138 — 150.
9. Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 325 с.
10. Kavelson R. Semantics and the art of conversation // Semiotica. 1980. V. 32. N 1/2. P. 59 — 80.

ТОПОНИМЫ ОТОЙКОНИМИЧЕСКОГО И ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В МЕЖДУРЕЧЬЯХ АЛАТЫРЯ, ИНСАРА И СУРЫ

И. В. КАЗАЕВА, аспирант

Топонимическое пространство междуречий Алатыря, Инсара и Суры характеризуется топонимами, состоящими из апеллятивной лексики, и названиями, источником образования которых являются ойконимы и антропонимы. Последние могут вступать в весьма сложные и своеобразные отношения с названиями других географических объектов, что особенно ярко проявляется на данной территории. Лите-

ратура, посвященная анализу таких названий, крайне малочисленна. Впервые на наличие в структуре ойконимов мордовского происхождения дохристианских личных имен обратил внимание А. А. Гераклитов. Он писал: «Мордовские деревни в подавляющем большинстве случаев получили название от урочищ, с которыми они связаны, или от старинных мордовских личных имен, причем последняя категория со-

ставляет не менее половины всех названий» [1, с. 16]. В других топонимических классах (микротопонимия, оронимия, гидронимия и др.) мордовские дохристианские имена не сохранились. В них широкое отражение нашли антропонимы христианского происхождения.

Некоторые сведения о топонимах антропонимического характера, встречающихся на территории Мордовии, можно получить из работ И. К. Инжеевцова [2], С. И. Липатова [3], М. В. Мосина [4], Д. В. Цыганкина [5]. Данная статья посвящена анализу различных топонимических классов интересующей нас территории, основой образования которых являются собственные имена — ойконимы и антропонимы. Их изучение даст возможность полнее раскрыть многообразие эрзянской топонимической системы и ее особенностей. На общем эрзянском топонимическом фоне названный слой занимает довольно заметное место и составляет более 25 % всех наименований, зарегистрированных на данной территории.

Отойконимические образования в основном обнаруживаются в названиях небольших рек, ручьев, оврагов, полей, лесов, дорог и т. д. Так, например, населенный пункт называется **Ало веле** (Алово Ат.), а лес, находящийся за селом, получил название **Ало веле велькс**. Точно так же по ойкониму **Кенде** (Чиндяново Дуб.) названо поле, находящееся близ этого села, — **Кендень пакся**; по ойкониму **Тарасбуе** (Тарасово Ат.) назван овраг близ села — **Тарасбуе лей**; ойконим **Жабино** дал название холму у села **Лига** (Ат.) — **Жабинань пандо**.

Перечисление можно без труда продолжить; однако и приведенные примеры дают основание говорить о том, что подобные названия являются неотъемлемой частью эрзянской топонимической системы. Весьма распространено на данной территории такое явление, когда один и тот же объект имеет отойконимическое название, данное по двум населенным пунктам, между которыми он расположен. При-

меры — многочисленны. Для иллюстрации приведем один. Так, жители села **Батушево** называют дорогу, ведущую в село **Атяшево**, **Отяжелев ки**, тогда как у жителей села **Атяшево** эта же дорога получила наименование **Ботужелев ки**.

Опираясь на подобные образования, мы можем сказать, что в рассматриваемом регионе наблюдается такое явление, когда отойконимическое название становится основой для нового наименования, в результате чего появляются целые их цепочки. Присоединяемый новый компонент становится ступенью для следующего топонима. Например, **Лада** (ойконим) — **Лада ки** (микротопоним) — **Лада ки улу** (микротопоним) — **Лада ки улу лей** (гидроним).

В приведенных названиях номинационные связи обуславливаются несколькими компонентами: географический объект (ойконим), языковая форма его обозначения **Лада** — название, чем-то связанное с данным ойконимом; другой географический объект (микротопоним), его языковое обозначение **Лада ки** (дорога, ведущая в с. Лада), возникшее благодаря опорному наименованию, внеязыковая сфера которого отличается от нового денотата; третий географический объект (микротопоним), языковая форма его обозначения **Лада ки улу** (досл. Лада — дорога — выступ), значение которого обусловлено чем-то, что связано с данным географическим объектом. Подобным образом может возникнуть название и с четырехкомпонентным составом — **Лада ки улу лей** (досл. Лада — дорога — выступ — река) — овраг с водой (**Болдасево Ич**). Отойконимические топонимы из пяти лексем — явление редкое.

Отантропонимические названия составляют особую группу. Источником их образования служат антропонимы христианского происхождения. Основной смысл таких названий — указать основателя того или иного объекта или место, на котором он расположен; принадлежность какому-либо коллективу или конкретному лицу; зафиксировать

событие, происшедшее с человеком на том или ином месте, и т. д. В составе отантропонимических названий могут быть: 1) личное имя: **Васькань** поляна (Васькина — поляна) — поляна с заосоченной травой (Ст. Селищи Б. Игн.), **Антонь** керьят (Антоня — вырубка) — просека (Антоновка Дуб.), **Захаронь** ведьгев (Захара — мельница) — место на берегу реки (Чудяново Дуб.), **Назар** лей (Назар — река) — речка (Киржеваны Ат.); 2) фамилия: **Бахметевской** вирь (Бахметевский — лес) — лес (Чукалы Б. Игн.), **Борисовонь** ведьгев удалкс (Борисова — мельница — лад) — поле (Тарасово Ат.), **Ивкин** луга (Ивкин — луг) — поле (Алово Ат.), **Глазковонь** пакся (Глазкова — поле) — поле (Семилей Кочк.); 3) имя и фамилия, имя и отчество или только отчество: **Иван Николаевонь** ведьгевть (Иван — Николаева — мельница) — место, где раньше была мельница, **Иваня** Николаева (Кельвядни Ард.), **Степан** Данилычева ки (Степан — Данилыча — дорога) — дорога (Пуркаево Дуб.); 4) индивидуальное прозвище: **Разин** пещера (Разин — пещера) — глубокий овраг, где были обнаружены старинные вещи (Панулево Ич.), **Аржай** лисьма (Аржай — колодец) — родник (Турдаково Дуб.), **Бобай** сэдь (Бобай — мост) — мост (Дубенки Дуб.), **Гребужонь** лисьма (Гребуж — колодец) — колодец (Лобаски Ич.), **Дёбань** ки (Дёба — дорога) — дорога (Кечушево Ард.); 5) семейно-родовое прозвище: **Ивашынка** — улица, где жила или живет семья либо род Ивашки (Шугурово Б. Бер.), **Яковинка** — улица (Шугурово Б. Бер.), **Казанька** — улица (Турдаки Кочк.), **Ангьровка** — улица (Пермиси Б. Бер.), **Игаевка** — улица (Курилово Ром.), **Васьканьбонь** ауня (Вася — овинок) — равнина, где когда-то был овинок старика Василия (Чукалы Б. Игн.).

В особую группу следует выделить отантропонимические названия, происхождение которых связано с каким-то случаем, имеющим отношение к человеку, имя которого отражено в этом названии. Например: **Васянь** ваямо

(Вася — утопление) — глубокое место в реке, называется так потому, что здесь, по рассказам жителей села, утонул человек по имени Вася (Новотроицкий Кочк.); **Палень** чавмо лей (Павла — убийство — река) — овраг в лесу, где был убит лесник по имени Павел (Манадыши Ард.); **Исай** кулома тарка (Исая — смерть — место) — овраг, где скончался пастух по имени Исая (Красный Чамз.); **Анна** баба лей (Анна — баба — река) — пойма, где когда-то замерзла женщина по имени Анна (Ст. Селищи Б. Игн.); **Анкуша** латко (Анна — овраг) — овраг, где была убита девушка по прозвищу Анкуша (Нап. Павла Кочк.). Внутреннюю форму подобных названий можно выяснить лишь в том случае, если сохранились предания, легенды, рассказы о происшедшем.

Довольно много отантропонимических названий, в которых упоминается имя человека, живущего по соседству с именуемым объектом. Особенно это касается лесных участков, речушек, мостов, дорог, оврагов, находящихся в пределах того или иного населенного пункта. Например, **Дёкань** сэдь (Дёки — мост) — мост, находящийся у дома человека по прозвищу Дёка (Лобаски Ич.); **Захар** латко (Захар — овраг) — овраг рядом с домом Захара (Антоновка Дуб.); **Радай** пандо при (Радай — гора — вершина) — небольшой холм у дома жителя по прозвищу Радай (Кочкурово Дуб.); **Родя** латко (Родион — овраг) — овраг, недалеко от которого был дом Родиона (Кельвядни Ард.).

В структурном отношении все названия, образованные от собственных имен, функционируют в виде: 1) топонима без суффикса, 2) топонима с суффиксом, 3) топонима с несколькими лексическими компонентами. Последние можно назвать сложными. Они в свою очередь подразделяются на двухлексемные (их большинство) и многолексемные. Они содержат в себе уже готовое название и возникают как результат конкретизации вида объекта.

Двухлексемные топонимы — а) отойконимические: **Андреле** лей

(Андреевка — река) — речка (Пилесово Ат.), Дубинькань вирь (Дубенки — лес) — лес (Поводимово Дуб.), Жабинань пандо (Жабинская — гора) — холм (Лига Ат.), Капазелень ки (Капасово — дорога) — поле (Батушево Ат.), Тазалинь пакся (Тазнесьское — поле) — поле (Лобаски Ат.); б) отантропонимические: Иванонь мода (Ивана — земля) — поле (Симкино Б. Бер.), Назар лей (Назар — река) — речка (Киржеманы Ат.), Глухов лей (Глухов — река) — овраг с водой (Тазнесьское Ат.), Дёрань пакся (Дёра — поле) — поле (Дюрки Ат.), Егорий латко (Егорий — овраг) — овраг (Сабанчеево Ат.).

Многолексемные топонимы — а) ойконимические: Андреевкань ки ланго (Андреевская — дорога — поверхность) — дорога (Дюрки Ат.), Кендень поселкань пакся (Кенденский — поселок — поле) — поле (Поводимово Дуб.), Тавла луга пакся (Тавла — луг — поле) — луг (Нап. Тавла Кочк.); б) отантропонимические: Даря баба латко (Даря — баба — овраг) — овраг (Алово Ат.), Дега Михань ведьгев ки (Дега — Миха — мельница — дорога) — название дороги (Кабаево Дуб.), Ижмаков латко луга (Ижмаков — овраг — луг) — луг (Нап. Тавла Кочк.), Бебаень нешкепире латко (Бебай — пчельник — овраг) — овраг (Дубенки Дуб.).

Бессуффиксальные топонимы

бывают не только ойконимические, например, Пермезень пакся (Пермиси — поле) — поле (Пермиси Б. Бер.), Бозаёвонь велькс (Бузаево — верх) — поле (Бузаево Б. Бер.), но и отантропонимические: Батила — поле (Тарасово Ат.), Лука — луг (Морд. Давыдово Кочк.), Исайка — поле, луг (Залесье, Антоновка Дуб.), Аргашке — лес (Мокшалай Чамз.) и др.

Зафиксирован ряд отантропонимических названий, образованных посредством суффиксов: а) -ынка/-ника, который синонимичен топоформанту -пие/-бус/-биё. При помощи этого суффикса в некоторых населенных пунктах образуются названия улиц: Ивашина, Яковинка (Шугурово Б. Бер.), Казанька (Старые Турдаки Кочк.); б) -овка/-ёвка: Ангыровка (Пермиси Б. Бер.), Игаевка (Курилово Ром.).

Итак, рассматривая систему эрзянской топонимии в междуречьях Алатыря, Инсара и Суры, можно отметить, что многочисленные названия, возникшие на основе ойконимов и антропонимов, составляют значительную часть эрзянской системы географических названий. В ней нашли широкое отражение имена как дохристианского, так и христианского периода. Последние реализуются в названиях в виде личностно-именных основ, фамилий, прозвищ. По структуре преобладают двухлексемные и многолексемные названия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ард. — Ардатовский
Ат. — Атяшевский
Б. Бер. — Большеберезниковский
Б. Игн. — Большеигнатовский
Дуб. — Дубенский

Ич. — Ичалковский
Кочк. — Кочкуровский
Лямб. — Лямбирский
Ром. — Ромодановский
Чамз. — Чамзинский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Герасимов А. А. Арзамасская мордва. Саратов, 1930. 152 с.
2. Инжеватов И. К. Топонимия Дубенского района Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2. С. 210 — 217.
3. Липатов С. И. Микротопонимы села Старая Самаяевка Ковылкинского района Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Саратов, 1986. С. 29 — 34.

4. Мосин М. В. Отражение общерусско-урарской лексики в мордовских географических названиях // Ономастика Поволжья. Саратов, 1976. Вып. 4. С. 172 — 174.
5. Цыганкин Д. В. Имя человека в географических названиях на карте Мордовской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989. С. 49 — 63.

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ

С. В. КЕМАРОВА, аспирант

Основная задача обучения в современных условиях — развитие личности, и в первую очередь ее интеллектуального потенциала. Каждый учебный предмет вносит свой вклад в решение этой задачи. Особо важную роль в этом плане играют филологические дисциплины. Значительный удельный вес при усвоении учебного материала занимает чтение и, следовательно, понимание текста, в том числе иноязычного.

Следует отметить, что многие исследователи не без основания относят понимание к области мышления. Так, например, Н. А. Менчинская [6] рассматривает понимание как раскрытие существенного в явлениях и предметах действительности, проблемных ситуациях на основе имеющихся знаний. Г. С. Косюк [5], оживляя эти понятия, считает, что понимание есть процесс мышления, направленный на решение стоящих перед человеком задач. Л. П. Добрая полагает, что понимание в узком смысле слова — это «компонент мышления, состоящий в выявлении и разрешении скрытых (невыраженных) вопросов» [2, с. 98]. В связи с этим и понимание текста представляется как осмысление объективно содержащихся в нем проблемных ситуаций, «неполных задач» (вопрос не сформулирован, но он вытекает из самой ситуации, задачи).

Таким образом, обнаруживается тесная взаимосвязь понимания и мышления, средством активизации которой в обучении выступает решение проблемных задач и проблемных ситуаций, в частности, при изучении языковых дисциплин.

В самом общем виде исследователи выделяют следующие уровни владения языком: первый, начальный — когда ученик понимает иноязычный письменный текст (читает со словарем или

без него). Этот уровень может быть достигнут путем сообщения знаний о языке, т. е. он изучается чисто теоретически. Такой уровень получил название рецензивного билингвизма.

Следующий уровень владения языком — когда ученик понимает и может воспроизвести иноязычный текст. Это так называемый репродуктивный билингвизм. Он предполагает не только наличие знаний о языке, но и определенные умения. При этом типе билингвизма автоматизированные навыки еще не вырабатываются, действия совершаются осознанно, все внимание говорящего (пишущего) направлено на оформление высказывания, а не на его суть.

И, наконец, третий уровень владения — когда ученик не только понимает и воспроизводит, но и самостоятельно порождает тексты на изучаемом языке, способен строить целые осмысленные высказывания. Это продуктивный билингвизм. Этот высший уровень владения — цель преподавания и изучения неродного языка. Продуктивный билингвизм предполагает, что ученик строит свою речь осмысленно и творчески, а это значит, что его внимание направлено не на языковое оформление высказывания, а на его содержание. Языковое же оформление на данном уровне обеспечивается автоматически.

Смысловое восприятие речевого сообщения, как считает И. А. Зимняя [3], «содержит пять взаимосвязанных фаз: 1) смыслового прогнозирования; 2) вербального сличения; 3) установления смысловых связей: а) между словами, б) между смысловыми звеньями; 4) смыслоформулирования; 5) принятия смыслового решения».

Подобные фазы мы можем проследить и в процессе восприятия текста. Например, учащимся 5-го класса пос-

ле изучения темы «Внешность человека» предлагается для чтения следующий текст:

English Schoolchildren

Henry White is an English school-boy. He goes to school in London. He is in Form Five.

When he goes to school, he wears a white shirt and a tie with the colours of his school. Over his shirt he wears a school jacket. His school jacket is called a blazer. Henry's school blazer is blue, the colour of his school. He has the school badge on the pocket of his blazer. He has his school badge on his cap too.

English schoolgirls wear a blouse or shirt and a skirt. They wear their school blazer too. Their hat has the school badge on the front. Schoolgirls wear black stockings and shoes.

In winter English boys and girls wear a coat and a scarf. Winter in England is not very cold. It does not snow much, but it often rains. So boys and girls often wear a raincoat.

Опираясь на имеющиеся знания и некоторый опыт чтения, учащиеся осуществляют смысловое прогнозирование (первая фаза): в тексте речь идет об английском школьнике. Они мысленно сличают слова и обороты со своим лексико-грамматическим запасом (вторая фаза).

В данном тексте присутствуют известные слова и обороты: *to go to school; to wear; cap; stockings; scarf; to rain* и т. д.

Учащиеся устанавливают смысловые связи между словами и синтагмами (третья фаза) и дают окончательную смысловую формулировку, догадываясь о значении незнакомых слов и выражений (четвертая фаза); в данном тексте это *blazer, badge, pocket, is called*.

Описанный алгоритм фактически является аналогом разрешения проблемной ситуации (задачи), осуществляемой под руководством учителя.

Выполнение работы начинается с формирования предварительного представления о задании (проблемная си-

туация), затем выдвигается своего рода рабочая гипотеза (прогнозирование). — о чем идет речь в тексте. Учащиеся актуализируют свои собственные знания как опору для разрешения проблемной ситуации. Вступает в силу механизм установления смысловых связей на базе знакомого материала, и, наконец, делается обоснованный вывод о смысловой нагрузке текста как подтверждение выдвинутого прогноза. Исходя из теории поэтапного формирования умственных действий представляется необходимой опорой на ориентировочную основу деятельности ученика, осмысленность и рациональность его умственной работы. Ориентировочная основа умственных действий на начальном этапе представляет собой своего рода набор ориентиров для выполнения действия и систему указаний по способам их выполнения.

Последний этап — самостоятельное действие обучающегося и через контроль учителя — самоконтроль.

Наиболее результативно ориентировочная основа действия формируется у учащихся методом проблемного изложения (возможно, на неродном языке) специфики понимания и смысловой структуры текстового сообщения. Например, тема беседы: «Как мы читаем?». Проблемные вопросы: «Умеем ли мы читать? Понимаем ли мы смысл прочитанного? Все ли мы понимаем? А посильна ли эта задача? Что же делать? На что обратить внимание?».

Естественно, что на поставленные вопросы дети дадут неоднозначные ответы, что и явится опорной схемой для суждений: читать мы пока не умеем; прочитанное часто не понимаем, так как не улавливаем, главные мысли текста. В результате внимание рассеивается на детали и смысл читаемого от нас ускользает.

Можно ли достичь понимания текста и как этого добиться? В ходе восприятия информации при проблемном изложении учащиеся начинают осознавать, что читаемый текст состоит из слов, предложений и смысловых единиц.

При чтении всегда есть возможность вернуться к прочитанному не один раз. Темп и скорость задаются самим читающим, время чтения не ограничено. К тому же читающий может пользоваться справочной литературой.

Основной целью чтения является восприятие и понимание читающим смысла, заключенного в тексте. Текст же как таковой — явление грамматического уровня, занимающее высшую ступень в системе языковых единиц. Вместе с тем «текст — произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью... имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку...» [1, с. 18]. Понимание при чтении — весьма сложный процесс. По данным исследований, проведенных Н. А. Ипполитовой [4] по материалам печати, только от 2 до 6 % читателей обладают высоким уровнем развития умений зрелого чтения, то есть производят смысловую обработку текста одновременно с его зрительным восприятием; 37 % обнаруживают навыки незрелого чтения, то есть фактически понимают текст только в том случае, если проговаривают его про себя. Все усилия читателей в данном случае направлены на «озвучивание» читаемого, а не на смысловую переработку зрительно воспринимаемого материала.

Результаты нашего исследования, проведенного в школах № 27 и № 31 г. Саранска применительно к понима-

нию иноязычного текста, еще более удручающи: лишь 0,5 % учащихся 6—8-х классов имеют навыки смысловой обработки текста при его зрительном восприятии. 8 % школьников понимают текст лишь при его проговаривании вслух или про себя — во втором чтении (навыки незрелого чтения). 26 % учащихся осмысливают текст фрагментарно, а именно, отдельные слова или словосочетания, не связывая их с контекстом. Остальные школьники (52,5 %) вообще не воспринимают иноязычный текст ни при чтении, ни на слух. Одна из причин этого — отсутствие у учащихся определенного лексико-грамматического запаса, необходимого для понимания смыслового содержания текста. Другая причина заключается в несформированности умений определять значение незнакомых слов по словообразовательным элементам, по контексту, с помощью словаря и т. д.

Поэтому важно научить школьников строить тексты-высказывания из слов, синтагм, предложений. Возможны задания на трансформацию: дополнение текста, исключение не соответствующих теме частей, соотношение текста и его названия и т. п. Выполнение подобных заданий вырабатывает у учащихся проблемное видение, языковое чутье, способность к переносу имеющихся знаний и умений в нестандартные условия, что является существенным показателем результативности развивающего обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Б. и., 1981. 164 с.
2. Доблаев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982. 176 с.
3. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
4. Ипполитова Н. А. Текст в системе изучения русского языка в школе. М.: Б. и., 1992. 126 с.
5. Костюк Г. С. О психологии понимания // Науч. зап. ин-та психологии УССР. Киев, 1950. Т. 2. С. 7 — 57.
6. Менчинская Н. А. Мышление в процессе обучения // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966. С. 349 — 387.

Юриспруденция

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. Д. КАЛИНИНА, кандидат юридических наук,
Д. А. УЗОЙКИН, студент

Структура и деятельность адвокатуры в Российской Федерации регулируются законодательством, не в полной мере отвечающим потребностям современного общества в условиях формирования правового государства. Со времени принятия действующего «Положения об адвокатуре РСФСР» (1980 год) в законодательстве о судостроительстве произошли серьезные изменения — принят Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», внесены изменения и дополнения в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК, ГПК, приняты законы «Об арбитражном суде», «О военном суде». Принятая Конституция Российской Федерации по-новому определила принципы организации судебной власти, гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

По действующему законодательству Российской Федерации адвокатской деятельностью занимаются члены добровольных профессиональных объединений — коллегий адвокатов. В Конституции РСФСР 1978 года указывалось, что для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов. В Конституции РФ 1993 года не содержится указания на коллегии адвокатов, лишь в ст. 48 предусматривается право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и уточняется, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката. Таким образом,

новый. Основным закон Российской Федерации предоставил законодательство возможность определить организационную форму адвокатуры непосредственно в федеральном законе «Об адвокатуре».

Специфика адвокатской деятельности (доверительный характер взаимоотношений адвоката и клиента, свобода осуществления представительства) диктует необходимость автономного статуса адвокатуры, независимости адвоката от органов государства и чье-либо руководства, которую могут обеспечить самоуправляемые, децентрализованные, добровольные объединения лиц, занимающихся адвокатской деятельностью. Такой точки зрения придерживается большинство ученых и адвокатов [2, с. 3; 10, с. 24].

Объединение профессиональных юристов для оказания юридических услуг в самоуправляемые ассоциации — довольно удачная модель организации адвокатуры, принятая во многих демократических странах мира. Российская адвокатура с момента возникновения в 1864 году также была организована по принципу профессиональных объединений. Целью совершенствования адвокатуры в России на современном этапе ни в коем случае не является слом системы территориальных коллегий. Принципиальным в данном случае является вопрос как о конкретной организационной форме адвокатуры, так и об организационных гарантиях эффективной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц правовыми методами. Основной нор-

мативный акт, регулирующий организацию и деятельность адвокатуры, должна предоставить клиенту свободу выбора поверенного.

Реально в Российской Федерации идет процесс формирования многоукладной адвокатуры: созданы более 30 альтернативных коллегий адвокатов, тысячи юридических кооперативов, профсоюзная адвокатура, совместные адвокатские фирмы [6, с. 9]. Запрещать создание подобного рода структур — значит ограничивать право человека и гражданина на выбор защитника, представителя. Однако лица, занимающиеся оказанием юридических услуг вне коллегии адвокатов, таковыми не являются, а поэтому не обладают всеми правами, которые предоставлены адвокатам. На них не распространяются требования Положения об адвокатуре, они не связаны корпоративными нормами, ограничен их правовой статус. В частности, члены правовых кооперативов, юридических фирм не допускаются в качестве защитников на предварительном расследовании.

Возможны, на наш взгляд, два пути организации адвокатуры: коллегия адвокатов признается единственной формой организации юристов, желающих заниматься оказанием юридических услуг, а адвокатами являются только ее члены, адвокатские же фирмы и «индивидуалы» принимаются в состав коллегии на правах коллективного и индивидуального членства и обладают правами структурной автономии в рамках коллегии; альтернативой данному варианту является принципиальное признание равноправия коллегии адвокатов и всех других форм оказания юридических услуг: юридических фирм, бюро, различных корпораций адвокатов.

Первый путь делает коллегию адвокатов самоуправляемыми гигантами и сведет корпоративный дух этих объединений к нулю. Чтобы избежать неуправляемости, придется почти полностью отказаться от участия адвокатов в управлении делами коллегии. Степень этого участия будет сводиться к отчислению определенных де-

нежных средств в фонд коллегии из гонораров адвокатов, работающих по кабинетной системе либо в фирмах, бюро, и к созыву, скажем, ежегодных съездов адвокатов коллегии. Функции же руководящего органа такой структуры (президиума) ограничатся приемом новых членов и представлением интересов адвокатов в государственных органах. Это сделает коллегия ничем иным, как профсоюзом адвокатов.

Стремление сохранить коллегия адвокатов в том виде, в каком она существует сегодня, может привести к ограничению доступа в коллегия новых членов. Президиумы будут ограничивать доступ в нее с помощью процедуры квалификационного экзамена, проведение которого будет их прерогативой. Многие из такой модели можно с успехом принять уже сейчас. Это прежде всего организация наряду с юридическими консультациями адвокатских фирм и бюро. Адвокат, работающий в своем бюро, должен иметь возможность самостоятельно набирать персонал, вести архив, заключать соглашения с клиентами об оказании юридических услуг.

Второй путь реформирования адвокатуры предусматривает уравнивание статуса коллегии адвокатов и существующих ныне юридических кооперативов, фирм через квалификационный экзамен и государственное лицензирование адвокатской деятельности. По мнению критиков такой модели, это создаст возможность государственного контроля за адвокатурой. Так сказано в резолюции № 1 Второго Внеочередного съезда Союза адвокатов России от 12 февраля 1991 года [5, с. 28]. Однако в качестве альтернативы государственному лицензированию сторонники сохранения системы коллегий в существующем виде предлагают наделить их правом выдачи лицензий на занятие адвокатской деятельностью. Значит, лицензирование в принципе не отвергается, а признается гарантом того, что адвокатской деятельностью будут заниматься действительно профессионально подготовленные люди. Нужно

заметить, что адвокаты и ученые при рассмотрении вопроса о юридических кооперативах опасались именно непрофессионализма, неподготовленности людей, берущих на себя защиту прав и интересов граждан.

Ключевым моментом реформы адвокатуры остается порядок выдачи лицензий и проведения экзамена. Конституция РФ в ст. 48 гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Тем самым государство обязуется создать и поддерживать высокопрофессиональный, законопослушный адвокатский корпус. Тем не менее когда в 1990 году Минюстом РСФСР был подготовлен проект Закона «Об адвокатуре», предусматривавший создание квалификационных коллегий при органах юстиции и проведение квалификационного экзамена, оценка его юридической общественностью была в целом негативной [8, с. 1].

Вышеупомянутый документ предусматривал, кроме того, учреждение института муниципальной адвокатуры для ведения «бесплатных дел» и налогообложение гонораров адвокатов. Возражая против последней меры, известные адвокаты отвергли и муниципальную адвокатуру, хотя реальная экономическая и социальная ситуация диктует правомерность именно такого решения. В условиях, когда значительная часть населения страны оказалась за пределами «черты бедности», оплата услуг адвоката для этой категории граждан становится невозможной. Конституция закрепила принцип бесплатной юридической помощи в случаях, предусмотренных п. 7 и 8 ст. 47 и ст. 49 УПК РФ, что также говорит о необходимости создания муниципальной адвокатуры. На Втором Всероссийском съезде судей в июне 1993 года был поставлен вопрос о том, как обеспечить участие защитников по делам малоимущих и неимущих граждан [4, с. 24].

Государственное лицензирование адвокатской деятельности, по мнению приверженцев позиций, выраженной в резолюции съезда Союза адвокатов

России в феврале 1991 года, предусматривает фактическую ликвидацию коллегий адвокатов и нарушает права последних, закрепленные в «Основных положениях о роли адвокатов», принятых 7-м конгрессом ООН в августе 1990 года [1, с. 15]. Однако из смысла государственного лицензирования такой вывод совершенно не вытекает, более того, если в коллегию будут входить адвокаты, имеющие государственную лицензию, это только укрепит положительные моменты в деятельности коллегий адвокатов, сплотит их, а адвокаты будут входить в коллегию не из необходимости, а по убеждению. Именно этим коллегия адвокатов выгодно отличается от американской классической юридической фирмы, где существуют иерархия адвокатов, отношения руководства и подчинения [3, с. 27 — 28].

Более того, экономическая ситуация вынудит адвокатов отдавать предпочтение коллегиальной форме организации. Далеко не каждый адвокат, получивший лицензию, сможет сразу открыть офис, бюро. В начале карьеры он мог бы пойти в муниципальную адвокатуру либо в коллегию адвокатов.

В последнее время Министерство юстиции РФ предпринимает усилия по выработке компромиссного варианта проекта Закона «Об адвокатуре», который вобрал бы в себя весь положительный опыт организации и деятельности как российской адвокатуры, так и адвокатур других стран. С этой целью по инициативе Минюста и всех функционирующих союзов адвокатов — Международного союза (ассоциации) адвокатов, Союза адвокатов России, Ассоциации адвокатов России — была создана рабочая группа. Последний вариант проекта предусматривает сохранение коллегий адвокатов, добровольность вступления в них, а также предоставляет возможность адвокатам заниматься индивидуальной практикой [9, с. 11 — 13]. Последнее предложение вызывает у разработчиков проекта закона немалые споры, однако исключение данной нормы из текста, очевидно,

разрушит его концепцию. Итоговый параграф законопроекта предусматривает активное участие адвокатов в управлении своими профессиональными объединениями; независимость адвокатуры от органов юстиции, прокуратуры, судов и других органов власти и местного самоуправления. Главными обязанностями адвоката являются: соблюдение законов и этических

норм, неразглашение адвокатской тайны. Среди основных новелл законопроекта можно назвать монополию адвокатов на участие в уголовном и гражданском судопроизводстве, государственное лицензирование адвокатской деятельности, возможность работать в фирмах, бюро, кабинетах при коллегиях, расширение прав адвокатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адвокатура: какой ей быть? // Сов. юстиция. 1992. № 19 — 20. С. 15.
2. Баренбойм П. Адвокат — лицо независимое // Сов. юстиция. 1992. № 1. С. 3.
3. Баренбойм П. Адвокатская фирма: опыт США // Сов. юстиция. 1992. № 15 — 16. С. 27 — 28.
4. Бобров М. Зигзаги судебной реформы // Законность. 1993. № 3. С. 24.
5. Внеочередной съезд Союза адвокатов РСФСР // Сов. юстиция. 1991. № 8. С. 28.

6. Козырев Г. Частная адвокатура: быть или не быть // Сов. юстиция. 1993. № 5. С. 9.
7. Право на выбор защитника // Сов. юстиция. 1991. № 8. С. 12.
8. Резник Г. Адвокат — госслужащий? // Сов. юстиция. 1991. № 8. С. 1.
9. Степанов А. Каким быть Закону об адвокатуре России? // Рос. юстиция. 1994. № 3. С. 11 — 13.
10. Стецовский Ю. И. Советская адвокатура. М.: Наука, 1989. С. 24.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

География

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВУЗАХ РОССИИ (ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ГРАНТОВ)

Е. В. МИРОНОВА, доктор географических наук,
М. М. ГОЛУБЧИК, доктор географических наук,
Ю. П. СЕЛИВЕРСТОВ, доктор географических наук,
А. М. НОСОНОВ, кандидат географических наук

Конкурсное распределение финансирования на фундаментальное естествознание — один из лучших и перспективных вариантов развития научных исследований в вузах страны. Оно широко применяется за рубежом, а с 1961 года — и в России. При этом очень важным является рациональный выбор тех научных направлений, вокруг которых должен концентрироваться

конкурс и которые являются наиболее актуальными для современной науки.

Конкурс грантов по фундаментальному естествознанию начал проводиться Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации в 1991 году. В 1992 году, когда в его тематику была включена география, фактическая сумма

финансирования составила 90 млн руб. Средства были распределены между 176 грантами, из которых 9 пришлось на географию (2,43 млн руб.). В 1993 году ассигнования первоначально составляли 280 млн руб., в том числе по географической тематике — 5,8 млн, затем в связи с расширением количества грантов они возросли до 360 млн руб.

Финансирование научно-исследовательской деятельности научных коллективов по системе грантов — важная форма государственной поддержки фундаментальной науки. При этом средства грантов рассматриваются как ресурсы для выполнения дополнительной работы сверх основной деятельности исполнителей. Создание временных творческих коллективов, аккордно-договорная система оплаты в известной мере решают кадровые проблемы. Основу этих коллективов должен составлять профессорско-преподавательский состав вузов, знания и опыт которого могут быть реализованы в оригинальных научных разработках, не только имеющих научно-производственное значение, но и внедряемых в практику преподавания в целях совершенствования учебного процесса.

В директивных и методических документах подчеркивается, что грант является формой государственной поддержки фундаментальных научных исследований, существенно отличной от базового или программного финансирования научно-исследовательской деятельности. Нецелесообразно направлять ассигнования гранта на поддержку плановых исследований, распыляя средства. В этом случае не решается главная его цель — осуществление оригинального фундаментального исследования с максимальной концентрацией средств при минимальном количестве исполнителей. Выдвижение и поддержка соответствующего проекта вузом означает принятие им обязательств по первоочередному обеспечению всех необходимых условий для его реализации.

По разделу «География» приори-

тетные направления исследований определяются Головным советом по географическим наукам Госкомвуза Российской Федерации, согласуются с Конкурсным центром фундаментального естествознания при Санкт-Петербургском государственном университете. Выделяя эти направления в рамках конкурса грантов, Головной совет руководствуется следующими соображениями.

Мощный интеграционный потенциал географической науки, ее естественно-общественная сущность определяют ее ответственность за решение научно-практических проблем, связанных с разными сторонами взаимодействия общества и природы. Возможности комплексного анализа этого взаимодействия способствуют выявлению социально-экономических систем природопользования разного территориального масштаба.

В современную эпоху, когда экологические проблемы приобрели глобальное значение, отчетливо сформировалась новая ветвь географии — геоэкология и геоэкологические вопросы стали одними из приоритетных в исследованиях.

Головной совет по географическим наукам явился инициатором разработки комплексной российской программы «Геоэкология», включившей следующие ведущие направления научных исследований по фундаментальному естествознанию в вузах России и по системе грантов 1992 года:

- научные основы эколого-экономических оценок состояния территории;

- глобальные изменения окружающей среды, их причины и проявления на конкретной территории;

- параметрирование и анализ показателей окружающей среды, определяющих экологические ситуации;

- принципы географо-экологического картографирования.

По разделу «Науки о Земле» конкурса грантов 1993 года были избраны такие направления, как исследование твердых оболочек Земли (строение, физические процессы); развитие

гелиосферно-магнитосферных возмущений и их воздействие на ионосферу и атмосферу; исследование структуры, состава, динамики атмосферы; физические процессы и эволюция; исследование структуры, функционирования и эволюции гидросферы (океаны, моря, ледники); взаимодействие геосфер Земли (атмосферы, гидросферы, литосферы).

Во всех конкурсах грантов научные направления формулировали лишь приоритеты и не исключали возможности представления проекта по иной проблематике.

Для оценки выдвигаемых на конкурс проектов, в целях обеспечения высокопрофессионального научно-организационного и экспертного сопровождения конкурсного процесса были созданы экспертные группы и выдвинуты в качестве индивидуальных независимых экспертов наиболее квалифицированные специалисты (из вузов, институтов РАН, научно-производственных учреждений и т. д.).

Среди полученных на конкурс в 1993 году 47 проектов можно выделить такие, как «Изучение межгодовых колебаний уровня Каспийского моря и их долгосрочный прогноз», «Разработка научных основ комплексного прогноза изменения окружающей среды Прикаспия как модельного района проявления глобальных экологических проблем», «Принципы экологического картирования промышленно развитых территорий», «Формализация, систематика и картографирование экологически однородных ландшафтов на топологическом уровне», «Многолетняя изменчивость океанических условий и промысловой продуктивности субарктической области Тихого океана», «Аэрокосмический мониторинг изменений природной среды и их прогнозирование».

В качестве основных критериев принятия проекта кроме несоблюдения правил оформления и подачи заявки решающее значение имели:

— несоответствие или косвенное отношение проекта к тематике конкурса;

— преимущественно прикладной характер проекта;

— отсутствие достаточно оригинальной фундаментальной идеи или четко прослеживаемое продолжение традиционных исследований, обеспеченных в рамках базового финансирования;

— отсутствие достаточных аргументов в пользу реальности выполнения работы в срок с учетом состава предполагаемого коллектива исполнителей и других факторов обеспечения проекта;

— низкий уровень научного проекта.

Этот жесткий конкурс выдержали 9 географических проектов: «Изменение ландшафтов Земли на глобальном и национальном уровнях под воздействием сельского хозяйства (ретроспективный анализ, современное состояние и прогноз развития)» (Московский университет, руководитель проекта — Г. Н. Голубев); «Комплексные эколого-экономические системы — проблемы функционирования, моделирования, развития, прогнозирования» (Казанский университет, руководитель — А. М. Трофимов); «Эколого-экономический район: концептуальная модель оценки территориального потенциала, оптимизации геоэкологической ситуации» (Пермский университет, руководитель — М. Д. Шарыгин); «Методология регионального эколого-экономического анализа в системе природопользования» (Калининградский университет, руководитель — В. Е. Краснов) и др. Как видим, ярко выражена эколого-экономическая направленность, актуальная геоэкологическая тематика победивших проектов.

В конкурсе грантов 1994 года наряду с экспертными оценками в большей степени, чем раньше, учитывались социальные факторы, способствующие развитию российской высшей школы, в частности значение данной работы для совершенствования учебного процесса, стимулирование деятельности научной молодежи, поддержка вузов с относительно малым объемом бюджетного финансирования.

Ведущими направлениями в разделе «География» были выдвинуты: «Научно-методологические основы современной географии» и «Географические проблемы региональной социально-экономической политики», которые способствуют более смелому выдвижению оригинальных научных идей и в то же время отвечают насущным потребностям нынешнего этапа социально-экономического развития России.

По тематике второго из названных направлений группа географов Мордовского университета (кандидаты географических наук В. П. Ковшов, В. Н. Пресняков, А. М. Носонов; руководитель проекта — доктор географических наук, профессор М. М. Голубчик) представила свой научный проект «Разработка основных направлений повышения эффективности использования природного агропотенциала в рамках экологически устойчивого развития региона (экономико-географическое обоснование)», получивший грант. Основные задачи данного проекта, базирующегося на материалах агрогеографических исследований Республики Мордовия, обусловлены обострением ряда эколого-географических проблем сельскохозяйственного производства.

Дело в том, что природные ландшафты региона в результате возрастающего антропогенного воздействия подвергаются значительным изменениям. В процессе интенсификации

сельскохозяйственного производства многие природные экосистемы частично или полностью утрачивают способность к саморегулированию и самовосстановлению. Следствием этого явилось снижение объемов производства в растениеводстве и животноводстве, падение их эффективности. Кризисный характер взаимодействия производственно-территориальных и природных систем во многом обусловлен территориальными диспропорциями между аграрными отраслями, каждой из которых присущ определенный уровень интенсивности. Поэтому главной задачей, которую необходимо решить для обоснования путей повышения эффективности использования природного потенциала территории, является нахождение оптимального, экономически и экологически целесообразного уровня интенсивности производства в разных типах природной среды, дифференцированного для различных типов ландшафтов, обладающих неодинаковой степенью устойчивости к внешним воздействиям.

Итогом реализации данного проекта должно явиться научное обоснование рекомендаций и схем оптимизации территориальной организации сельского хозяйства региона (в данном случае — Мордовии), разработка региональной программы развития сельского хозяйства в ходе осуществления земельной реформы в рамках экологически устойчивого функционирования природных систем.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕНДРОИНДИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОРДОВИИ

П. И. МЕРКУЛОВ, кандидат географических наук,
С. В. МЕРКУЛОВА, преподаватель

Первоочередной задачей дендроиндикационных исследований в Мордовии является сбор достаточного фактического материала, т. е. создание банка данных, придерживаясь при этом традиционных методик, широко

освоенных в научной литературе [2, 3, 4, 6 и др.]. Для дендроиндикационных целей предпочтительнее использовать хвойные породы, в наших условиях — сосну и ель. Однако живые экземпляры этих пород в Мордовии

не имеют возраста более 100 лет, а при создании банка дендрохронологических* данных наиболее важным моментом является продолжительность ряда: чем дальше в прошлое мы сможем продлить его, тем большую научную ценность он будет представлять. Исходя из этого приоритетной породой при дендрохронологических исследованиях является дуб, живые экземпляры которого имеют в Мордовии возраст 300 лет и более. Могут быть использованы также хвойные и лиственные породы.

На первом этапе исследований необходимо создать региональную руководящую дендрограмму путем совмещения и наращивания дендрограмм разных экземпляров современных деревьев. Могут быть использованы вымершие и даже ископаемые экземпляры. Для продления дендрошкалы можно использовать спилы со старых деревянных построек (домов, мостов, колодцев и пр.), с древесных археологических находок, с ископаемой древесины, которая особенно хорошо сохраняется в торфяных отложениях.

Отобранный дендроматериал должен представлять различные типы местообитаний, т. е. в основу исследования следует положить ландшафтно-генетический принцип. Необходимо, чтобы дендроиндикат характеризовал как западные, так и восточные районы, отличающиеся геолого-геоморфологическими особенностями. Кроме того, желателен показ и внутризональных отличий между северными и южными районами Мордовии, что достигается отбором дендроматериала по водораздельным экотопам. Можно заранее сказать, что зональные различия местообитаний будут меньше оказывать влияние на прирост древесной растительности, чем провинциальные, которые в первую очередь связаны с изменением геолого-геоморфологического компонента, определяющего

генезис и эволюцию ландшафтов на территории Мордовии. Указанный подход позволит охватить весь комплекс природных различий, а обобщенный дендрохронологический ряд, построенный по отобранным образцам, исключит влияние на прирост случайных (частных) факторов.

По мере накопления фактического материала дендрохронологические исследования должны быть направлены на индикацию внутриландшафтных различий на уровне типов местности или даже урочищ. В этом случае прирост древесины будет определяться местными изменениями компонентов ландшафта, связанными с геоморфологическим положением экотопа, характером почв, гидрологическим режимом или целым рядом взаимосвязанных факторов. Естественно, при индикации на уровне внутриландшафтной дифференциации корреляционные зависимости оказываются значительно сложнее, чем, скажем, в случае с форпостным произрастанием древесных пород. Для этих целей традиционно отбирают дендроматериал по поперечному профилю речных долин, что дает возможность индикации экотопов на уровне типов местностей. Водоразделы характеризуют зональный тип условий произрастания, а склоны, террасы и поймы — внутриландшафтные различия на уровне местностей и урочищ. Наиболее сложные связи между приростом древесной растительности и природными факторами наблюдаются в пойменных условиях, что связано с динамичностью происходящих здесь процессов, относительной молодостью экотопа, своеобразным гидрологическим режимом и почвенным покровом.

Следующим этапом исследований является извлечение дендроклиматической информации. Предполагается получение надежных корреляций между приростом древесины и отдельными климатическими показателями при использовании количественных методов, в частности математической статистики, с привлечением ЭВМ, что

* Дендрохронология является частным случаем дендроиндикации и представляет собой датирование природных процессов на основе подсчета годичных колец деревьев.

даст возможность обработки больших массивов данных, их упорядочения и получения коэффициентов зависимости. При этом можно следовать двумя путями. Найти зависимость, с одной стороны, между шириной годового прироста, а с другой — среднегодовыми значениями температур, осадков, соотношением тепла и влаги, радиационным балансом за время инструментальных измерений, что позволит восстановить метеорологические характеристики за период, охваченный дендрохронологическим рядом. Второй путь предполагает извлечение дендроклиматической информации и получение зависимостей с учетом теплового и холодного сезонов года. Годовой прирост древесины складывается из раннего и позднего колец, сформированных соответственно в теплое и холодное время года, которые четко фиксируются и могут быть изморожены. Этот вариант более трудоемок, но позволяет получить более значимые научные результаты. На основании таких материалов можно восстановить климатические особенности по сезонам года.

Перспективным направлением для территории Мордовии является дендроиндикация режима болот, тем более что инструментальные наблюдения такого плана отсутствуют. Болотные комплексы представляют собой своеобразные природные образования, играющие очень важную роль в формировании гидрологического режима отдельных ландшафтов. Границу «болото — лес» можно считать крайним пределом распространения лесной растительности. Лимитирующим фактором прироста древесины здесь является уровень грунтовых вод. Увеличение прироста, вероятно всего, будет происходить во время его понижения и сокращения площади болот, а уменьшение, наоборот, при повышении уровня грунтовых вод и наступлении болот на лес.

Функциональный режим болотных комплексов определяется целым рядом природных и антропогенных факторов. Из первых важными являются

термический режим и увлажнение, особенно в летний период. Кроме того, на характер развития болот за многолетний период могут оказывать влияние колебательные тектонические движения, изменяющие уровень местных базисов эрозии и ослабляющие или усиливающие дренированность территории [7]. Антропогенное воздействие сказывается на развитии болотных комплексов либо непосредственно, либо опосредованно.

В качестве индикаторов природных процессов на границе болота и леса больше подходят древесные породы, имеющие широкий экологический ареал произрастания. Для нашей территории такой породой является сосна. Она растет в пределах как непосредственно болотного массива, так и лесного экотопа, не боится избыточного грунтового увлажнения в отличие от лиственных пород и ели.

К одному из наиболее важных направлений, без сомнения, можно отнести дендроиндикацию геохимических процессов в пределах природных и геотехнических систем, так как она позволяет увидеть связи природных процессов на атомарно-молекулярном уровне. При этом может решаться целый блок вопросов, имеющих теоретическое и практическое значение. Они, как правило, находятся на стыке различных научных дисциплин.

Из компонентов природы в геохимическом отношении наиболее изученными являются почвы. Исследования их химизма, имеющие прикладной характер, начались еще в начале XX века и охватили все природные зоны России, в частности территорию Мордовии. В последние десятилетия расширились научные изыскания, направленные на изучение закономерностей в накоплении отдельных химических элементов растительностью — отдельными видами, сообществами, в том числе и древесными породами. При этом анализируются связи между химическим составом почв и растений, воздействие на них антропогенных факторов [1, 5 и др.]. Однако буквально единичны в нашей стране работы,

касающиеся минерального питания древесных пород по отдельным годам [4, 8]. Это связано с трудоемкостью проведения подобных исследований. Даже чисто механическая работа по вырезанию каждого годичного кольца, которая проводится вручную, требует больших усилий. Далее осуществляется геохимический анализ. В итоге приходится подвергать лабораторному исследованию десятки тысяч образцов.

В последние годы особое внимание уделяется мониторингу природной среды. В этих целях необходимо получение информации о геохимических процессах на фоновых территориях, которые значительно удалены от крупных промышленных центров, не испытывают воздействия сельскохозяйственного производства и считаются поэтому условно экологически чистыми. Эти территории должны быть равномерно охвачены дендрохронологическими исследованиями. Материалы по минеральному питанию по отдельным годам будут характеризовать естественные факторы изменения химизма прироста древесины. Корреляции следует проводить не только с общими показателями химического состава почв, но и между химизмом веществено-структурных составляющих — генетических горизонтов, минерального состава, почвенных и грунтовых вод, материнской породы и пр. Для каждого года прироста вычисляется коэффициент биологического поглощения отдельных элементов. Расширение подобных исследований впоследствии может происходить по пути охвата и накопления подобного рода информации на уровне морфологических частей ландшафта и по отдельным видам древесных пород.

Для индикации антропогенного воздействия на территории Мордовии необходимы исследования в пределах крупных городов, в частности Саранско-Рузаевского промышленного узла, результаты которых нужно сравнивать с фоновыми. Сбор дендроинформации осуществляется по радиальным профилям вокруг крупных предприя-

тий и равномерно по всей территории городов. Полученные материалы позволяют выделить местообитания, в пределах которых антропогенная составляющая в минеральном питании деревьев наибольшая. Это необязательно могут быть экотопы, расположенные близко к источнику загрязнения. В силу природных факторов (рельефа, режима ветров, характера поверхностного стока и др.) загрязненные территории могут быть удалены от источника эмиссии на значительные расстояния.

Получение достаточно надежных корреляций между химизмом годичных колец и антропогенным загрязнением позволит восстановить историю экологических ситуаций в крупных промышленных городах, установить «волны» усиления и ослабления антропогенной нагрузки и определить современные тенденции этого процесса.

Намеченные проблемы дендроиндикации охватывают очень широкий круг вопросов и являются междисциплинарными. Поэтому в их разработке должны участвовать специалисты различных профилей: географы, геоэкологи, биологи, почвоведы, химики, математики. Каждое направление по мере углубления исследований может дифференцироваться на ряд вопросов. Например, для территории Мордовии важное теоретическое и практическое значение имеет изучение характера накопления в годичных кольцах радиоактивных элементов. Такие материалы позволили бы сравнить радиоактивно загрязненные и условно чистые районы республики на предмет накопления в древесных кольцах радиоактивных изотопов.

Построение продолжительного дендрохронологического ряда и его анализ на содержание таких элементов дает возможность построить график фоновой изменчивости радиоактивности, установить рубеж антропогенного воздействия на радиоактивный фон и определить абсолютную величину роста радиоактивных элементов в минеральном питании древесных растений после чернойбыльской ава-

рии. Особенно детальному анализу должны быть подвергнуты годовые кольца, сформированные после 1986 г. Вероятно, удастся установить закономерности в «разгрузке» от радиоактивного загрязнения в пределах морфологических составляющих ландшафтов, что даст возможность сделать пространственный и временной прогноз по изменению радиационной ситуации в будущем.

Наверное, не все теоретически намеченные результаты могут быть получены на практике. Это не должно смущать исследователей, поскольку накопление фактического материала по химизму годовых колец деревьев имеет большую научную ценность в геохимии ландшафтов, биологии, почвоведении. Естественно, разработка всех проблем дендроиндикации — дело не одного года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Ю. В. Тяжелые металлы в почвах и растениях. Л.: Агропромиздат, 1987. 142 с.
2. Битынский Т. Т. Дендроклиматические исследования. Л.: Гидрометеоиздат, 1974. 172 с.
3. Горчаковский П. Л., Шиятов С. Г. Фитоиндикация условий среды и природных процессов в высокогорьях. М.: Наука, 1985. 208 с.
4. Дендрохронология и дендроклиматология / Отв. ред. Л. А. Кайрюкшис. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 208 с.
5. Ильяи В. Б. Тяжелые металлы в системе почва — растение. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 151 с.
6. Ловеллус Н. В. Изменчивость прироста деревьев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 231 с.
7. Максимов Е. В., Мариова Д. Ф., Павлова Н. Н. Оценка современного состояния ландшафтов района озера Вьяльс // Динамика ландшафтов равнинных и горных стран / Отв. ред. Е. В. Максимов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С. 40 — 59.
8. Тарновский А. А., Свистунов А. А. Непостоянство химического состава вещества годовых колец дерева как отражение изменчивости состояний природной среды во времени // Вестн. Ленингр. ун-та. 1979. № 18. С. 71 — 79.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К МИКРОРАЙОНИРОВАНИЮ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Н. П. ФЕДОРЦОВ, кандидат географических наук,
О. В. КУРЯЕВ

Экономические районы — основные конкретные объекты современных экономико-географических исследований. Они образуют сложную пространственную систему. Сетка экономических районов отражает наиболее значительные природные и объективно сложившиеся различия между отдельными частями страны. В связи с этим экономическое районирование имеет важное значение в теории и практике экономической географии. Для районирования необходим многофакторный анализ, учитывающий взаимодействие различных условий и процессов развития производительных сил.

Вопросам экономического районирования Мордовии было посвящено мало научных работ. Существующие разработки выделения районов опираются в основном на различия в аграрном секторе.

Мордовия, являясь составной частью Волго-Вятского экономического района (ВВЭР), или экономическим подрайоном, относится к зоне интенсивного хозяйственного освоения, для которой характерны: относительно высокая плотность населения, преобладание городского населения над сельским, наличие городов и промышленных узлов и города-центра Саранска.

Исходя из теории экономического районирования на территории республики условно можно выделить несколько экономических районов третьего таксономического ранга, или микрорайонов. Как правило, экономические микрорайоны формируются из нескольких административных районов, включая и городские поселения. Каждый экономический микрорайон обладает определенной специализацией.

В данной работе кратко изложены некоторые подходы к изучению территории Мордовии как экономического подрайона и методика выявления микрорайонов на основе многофакторного анализа хозяйства республики. Методика проведения исследований основана на методике выявления и изучения низовых экономических районов, разработанной А. М. Колотиевским и рядом других ученых.

При исследовании учитывались наиболее важные, на наш взгляд, районно-образующие факторы: природно-ресурсный, расселение населения, территориальная организация промышленного и сельскохозяйственного производства, транспортная освоенность, роль городов. Кроме того, были изучены и учтены результаты ранее проведенных исследований по отраслевому районированию.

1. Природно-ресурсные предпосылки формирования экономических микрорайонов. Территория республики расположена в центральной части Восточно-Европейской равнины, в междуречье Оки и Суры, и относится к лесной и лесостепной ландшафтными зонам. На ее территории наблюдаются заметные различия в характере рельефа, климата, гидрографии, почвенном и растительном покрове, степени освоенности территории, особенно в восточных и западных частях.

В орографическом отношении территория делится на два неравных по размерам района — западный и восточный. Граница между ними проходит по северо-западным отрогам Приволжской возвышенности (правый берег Мокши).

Характер рельефа неоднороден. Наиболее низменные участки — на западе в долине р. Вад с абсолютной высотой менее 100 м, наиболее возвышенные — междуречье Инсара и Суры с высотами от 250 до 300 м. Восточная часть занята отрогами Приволжской возвышенности и имеет холмистый, пересеченный рельеф. Западная часть Мордовии — почти плоская низменность со слабо расчлененным рельефом.

Климат республики умеренно-континентальный. Климатические показатели мало различаются по территории, лишь на северо-востоке сумма активных температур несколько ниже средней — 2 100 — 2 200°. Континентальность климата возрастает с запада на восток. В восточных районах наблюдаются засушливые явления.

На территории Мордовии выделяют 2 ландшафтные зоны: смешанных лесов и лесостепи.

2. Население республики и его размещение. Население Мордовии составляет 12 % от всего населения ВВЭР и имеет тенденцию к уменьшению. По плотности населения (36 чел./км²) республика занимает 3-е место в ВВЭР; однако это почти в пять раз выше, чем в среднем по России. Соотношение городского и сельского населения в 1989 году было соответственно 57 и 43 %. Средняя плотность сельского населения составляет 15,9 чел./км². Однако по районам эти показатели резко различаются, что обусловлено особенностями их исторического, социального и экономического развития и природными различиями территории. Размер сельских районов колеблется от 820,8 (Ромодановский) до 2699,2 км² (Зубово-Полянский); плотность сельского населения изменяется от 8,9 (Темниковский) до 37,4 чел./км² (Лямбирский район). В целом Мордовия имеет благоприятные условия для расселения населения. Более заселены территория лесостепи, особенно вдоль крутых рек, и черноземные районы. Например, в Краснослободском районе плотность населения на них более 50 чел./км².

По степени заселенности территорию Мордовии принято делить на 3 зоны: 1) густонаселенная (Ромодановский, Лямбирский, Рузаевский, Ардамовский районы); 2) средnezаселенная (Краснослободский, Ковылкинский, Кочкуровский, Дубенский, Большеберезниковский); 3) редконаселенная (объединяющая северо-западные и западные районы Мордовии).

Масштабы изменения численности населения по районам неодинаковы. С 1970 по 1989 год численность сельского населения уменьшилась во всех районах, кроме Лямбирского, при постоянном увеличении городского. Наиболее интенсивное сокращение числа жителей происходило в западных и юго-восточных районах. Более стабильна численность населения в центральной и восточной частях Мордовии, что объясняется развитой сетью городов.

Национальный состав районов также неоднороден. Многочисленное мордовское население (50 — 70 %) характерно для запада и северо-востока республики. В центральных районах преобладает русское население. Территориально мордва-мокша и мордва-эрзя разграничиваются: на западе больше мокши, в бассейнах Пьяны, Алатыря и Суры — эрзя. Татарские села размещаются ареалами, самый крупный — в Лямбирском районе.

3. Территориальная организация промышленности республики. Можно отметить следующие закономерности размещения отраслей промышленности.

1. Ведущие предприятия трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности сосредоточены в Саранско-Рузаевском промышленном узле.

2. Основная часть промышленных предприятий размещена вдоль железных дорог и автомагистралей в крупных и средних населенных пунктах.

3. Филиалы крупных столичных предприятий расположены в административных центрах районов.

4. Предприятия пищевой промышленности тяготеют к районам производства сырья.

5. Промышленность, перерабатывающая местное сырье, имеет связи с соседними областями.

В Саранско-Рузаевском промышленном узле сосредоточено более 68 % всех основных фондов промышленности и выпускается около 70 % промышленной продукции республики. Он формируется вокруг Саранска и Рузаевки, включая прилегающие поселения. На современном этапе узел представляет собой промышленную агломерацию, отраслями которой являются машиностроение, химическая, легкая, пищевая промышленность и промышленность стройматериалов. Отрасли специализации — электротехника и светотехника.

Чамзинско-Комсомольский узел начал формироваться во время строительства Староалексеевского цементного завода. В настоящее время это крупнейший в республике центр по производству строительных материалов. Благоприятные природные и экономические условия способствовали размещению здесь цементных заводов, заводов по производству железобетонных конструкций и асбоцементных изделий.

Ведущая отрасль Ковылкинского промышленного узла — пищевая, чему способствуют благоприятные условия. Из других отраслей развиты машиностроение, промышленность строительных материалов, лесная.

На западе республики формируется еще один промышленный узел — Zubovo-Полянский, включающий поселки Zubova Поляна, Дубитель, Вад, Потьма и Умет. Современный профиль узла определяют две отрасли: лесная и деревообрабатывающая; кроме того, представлены машиностроение, легкая промышленность. Узел очень перспективен в плане совершенствования переработки древесины. Развивается лесохимия.

4. Особенности сельскохозяйственного использования земель республики. Данный раздел методики выделения экономических микрорайонов основан на исследованиях географов Мордовского университета. Сельское

хозяйство является важнейшей отраслью народнохозяйственного комплекса республики, характеризующейся многоотраслевым производством с повсеместным преобладанием животноводства и тесной связью с промышленностью, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье. Сельхозугодья составляли на начало 1993 года 1442,6 тыс. га, в их структуре преобладает пашня. Выше средней доля пашни в восточных районах, на западе она составляет 57 — 64 %.

На территории республики выделяют 5 типов использования земель (типов организации территории).

1. Западный (лесной) район. Для него характерны низкая доля сельхозугодий — 70 %, доля пашни — 65 %. Высока доля зерновых, самые большие в республике площади картофеля, сенокосов и пастбищ. Преобладает КРС (до 90 %). В структуре товарной продукции доля животноводства 80 — 90 %.

2. Водораздел Мокши и Вада. Степень освоенности до 80 %, доля пашни — до 90 %. В посевных площадях преобладают зерновые. Сенокосов и пастбищ меньше, в основном вдоль реки Мокши. Среди пропашных культур доминируют кукуруза на силос, возрастает доля однолетних трав. Увеличивается поголовье свиней и овец. В структуре товарной продукции доля растениеводства составляет 20 — 30 %.

3. Водораздел Мокши и Инсара. Доля сельхозугодий — 85 — 90 %, из них 75 — 85 % — пашня. Сенокосов немного, пастбищ около 16 %. Характерно сочетание пашни с однолетними и многолетними травами. Пропашные культуры занимают 3 — 6 % посевов. Выращивается конопля, ее доля около 5 %. Большой удельный вес КРС в стаде — до 80 — 85 %, поголовье свиней и овец невелико. В структуре товарной продукции преобладает животноводство, доля растениеводства — 17 — 30 %.

4. Приинсарье и Приалатырье. Самый большой район, здесь расположены два крупнейших в республике города — Саранск и Рузаевка. Разви-

та пищевая промышленность. Сельскохозяйственная освоенность — высокая — до 85 %, доля пашни — до 80 %. Площади сенокосов и пастбищ невелики. Основа растениеводства — зерновое хозяйство. В пропашных, кроме кукурузы и картофеля, появляется сахарная свекла (15 — 20 %). Данная территория отличается заметной ролью отраслей растениеводства — 30 — 40 %.

5. Водораздел Суры и Алатыря. Расположен в наиболее возвышенной части республики. Большие площади пашни — 80 — 85 %. Освоенность территории — 88 %. Почти полностью отсутствуют озимые культуры. Доля пастбищ — 19 %, сенокосов мало. Из технических культур возделываются сахарная свекла и конопля. Доля КРС в стаде — более 80 %. Отличительная черта — хорошо развитое свиноводство. В структуре товарной продукции также преобладающая роль принадлежит животноводству.

Завершающий этап исследования — нанесение на картосхему природно-ресурсного потенциала, населения, промышленного и сельскохозяйственного производства с использованием многочисленных статистических материалов. В результате наложения составленных картосхем, анализа статистических материалов по административным районам нами выделены территориальные образования со сходными природными и социально-экономическими чертами, т. е. экономические микрорайоны:

1) западный (включает Zubovo-Полянский, Теньгушевский, Темниковский, Атюрьевский, Ельниковский административные районы);

2) центральный (Торбеевский, Ковылкинский, г. Ковылкино, Краснослободский, Старошайговский, Инсарский, Кадошкинский);

3) саранско-ардатовский (г. Саранск, г. Рузаевка, Рузаевский, Лямбирский, Ромодановский, Чамзинский, Ичалковский, Ардатовский, Большеигнатовский административные районы);

4) восточный (Кочкуровский, Большеберезниковский, Дубенский).

Границы микрорайонов установлены в пределах административных районов. Все микрорайоны республики отличаются территориальной общностью, хорошо налаженными внутренними и внешними связями.

Внутренние различия в микрорай-

онах минимальные. В данном исследовании границы микрорайонов выделены не по всем факторам. Их изменение возможно главным образом за счет более детального факторного анализа и синтеза.

Медицина

ЗНАЧЕНИЕ АНАТОМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТАЗОВЫХ КОСТЕЙ ЖЕНЩИН ПРИ ЛЕЧЕНИИ РАЗРЫВОВ ЛОБКОВОГО СИМФИЗА АППАРАТАМИ ВНЕШНЕЙ ФИКСАЦИИ

К. П. МИНЕЕВ, доктор медицинских наук,
А. Н. БАЛАНДИН, аспирант

Повреждение лобкового симфиза у женщин чаще всего встречается как родовая травма, осложняющая 0,43 % всех родов [8]. В настоящее время для лечения данной патологии стали применять аппараты внешней фиксации [4, 6, 7]. Сплицы и стержни должны вводиться в анатомически оптимальные зоны тазового кольца под определенным углом, иначе возможны осложнения и снижение функциональных возможностей аппарата [4 — 7]. Тазовые кости женщин имеют специфические особенности по сравнению с таковыми у мужчин. К сожалению, в литературе мало работ, посвященных половому деморфизму тазовых костей. Они чаще всего изучались для обоснования забора костного мозга [1 — 3].

При исследовании 30 тазовых костей мужчин и 30 — женщин нами выявлены следующие особенности: 1) угол между крылом подвздошной кости и ее телом у женщин составляет $149,47 \pm 0,33^\circ$, у мужчин — $155,43 \pm 0,25^\circ$; 2) запирающие отверстия у женщин округлые, у мужчин вытянуты в вертикальном направлении; 3) при одинаковой длине крыла высота тазовой

кости у женщин на 10 мм меньше; 4) ширина седалищного бугра у женщин на 5 — 7 мм меньше, чем у мужчин, при той же длине крыла подвздошной кости; 5) треугольник на внутренней поверхности крыла подвздошной кости, образованный бугристостью и суставной поверхностью, у женщин на 10 мм больше, чем у мужчин. Это, вероятно, связано с детородной функцией женщин, так как при родах происходит расширение симфиза, а следовательно, осуществляется движение в крестцово-подвздошных сочленениях, хотя и незначительное по объему, поэтому с целью компенсации прочности сустава сочленованные поверхности у них имеют большую площадь соприкосновения.

Массивная часть крыла подвздошной кости в задней трети пригодна для введения стержней. Центральная часть подвздошной кости истончена, в 13 % случаев имеет отверстия до 2 x 2 см. Зона истончения крыла занимает участок 5 x 6 см, в эту область стержни и сплицы вводить нельзя. Наиболее оптимальными зонами для этого, как показали наши предыдущие исследования [4 — 7], являются: переднениж-

ние ости подвздошных костей и задняя треть крыла — для стержней; гребни подвздошных костей — для спиц.

После наложения аппарата на тазовое кольцо при разрыве лобкового симфиза и крестцово-подвздошных сочленений иногда отмечается картина недостаточной репозиции в лобковом симфизе — разновысокое стояние лобковых костей при полной конгруэнтности суставных поверхностей. Проанализировав 100 рентгенограмм таза здоровых женщин, мы установили, что в 46 % случаев одна из лобковых костей стоит выше другой на 1 — 5 мм. Для уточнения этого наблюдения мы изучили форму и локализацию суставной поверхности лобковых костей, причем исследование осуществлялось на 30 скелетах, что позволило сравнить топографию смежных суставных поверхностей. Результаты исследования показали, что суставная площадка лобкового симфиза довольно полиморфна. В 60 % случаев она имеет удлиненную форму в виде эллипса с шириной до $10 \pm 1,22$ мм и длиной до $26 \pm 2,04$ мм ($p < 0,05$). В 40 % наблюдений отмечается более округлая форма с шириной $17 \pm 1,34$ мм и длиной $21 \pm 1,18$ мм ($p < 0,05$). Суставная площадка всегда располагается в

центрально-заднем секторе соприкасающихся частей лобковых костей. Задний край суставной поверхности образует острый угол с задней поверхностью лобковых костей, передний не доходит до передней поверхности лобковых костей на 4 — 7 мм. Верхний край суставной поверхности отстоит от верхнего края лобковой кости на 8 — 12 мм, причем отмечается асимметрия расположения суставных поверхностей на правой и левой тазовых костях. Именно этим и объясняется разновысокое стояние лобковых костей в норме.

Учитывая изложенное, при репозиции тазовых костей в лобковом симфизе аппаратом внешней фиксации необходимо добиваться конгруэнтности суставных поверхностей лобковых костей, а не одинакового уровня их стояния. Разновысокое стояние объясняется общебиологическим законом асинхронного и асимметричного развития тканей и органов у всех живых существ. При наложении компрессионно-дистракционных аппаратов на таз у женщин следует избегать проведения спиц и стержней в среднюю часть крыла подвздошной кости, что сопряжено с возможными осложнениями в процессе оперативного вмешательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Билькевич Л. Т. Изучение морфологии крыла подвздошной кости с целью уточнения техники пункции костного мозга // Тез. докл. 19-й науч. конф. аспирантов и клинич. ординаторов, госв. 120-летию основания Киевского мед. ин-та. Киев, 1962. С. 9 — 10.
2. Билькевич Л. Т. Клинико-анатомическое обоснование к технике пункции костного мозга // Врачеб. дело, 1963. № 1. С. 52 — 57.
3. Билькевич Л. Т. Клинико-анатомическое обоснование пункции костного мозга крыла подвздошной кости. Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Киев, 1964. 15 с.
4. Кутелов С. М., Минеев К. П., Стальмах К. К. Анатомо-хирургическое обоснование лечения тяжелых переломов костей таза аппаратами внешней фиксации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 160 с.
5. Минеев К. П. Клинико-морфологические аспекты переломов сосудов таза. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 180 с.
6. Минеев К. П. Клинико-морфологическое обоснование хирургической тактики при тяжелых повреждениях таза, осложненных массивным кровотечением: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Пермь, 1991. 30 с.
7. Минеев К. П. Обоснование хирургической тактики при тяжелых повреждениях таза. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 148 с.
8. Озерная Э. А., Марусов А. П. Расхождение лонного сочленения при родах // Казан. мед. журн., 1977. № 2. С. 63 — 64.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НИМОТОПА ПРИ ГИПЕРТОНИЧЕСКИХ КРИЗАХ

О. Г. МЫШЛЯКОВА, аспирант

Артериальная гипертензия является фактором риска развития цереброваскулярных осложнений. В связи с этим лечение артериальной гипертензии является основой для профилактики развития острого нарушения мозгового кровообращения. Гипотензивная терапия не всегда оказывается эффективной, особенно у пациентов с изменениями церебральной гемодинамики. На фоне лечения возможно развитие осложнений вплоть до инсульта.

В связи с этим особое значение имеет изучение препаратов, улучшающих мозговой кровоток, вызывающих снижение сосудистого сопротивления и нормализующих метаболические процессы головного мозга.

Для этих целей нами был использован нимодипин. Он более эффективно, чем нифедипин, предупреждает спазм, возникающий после ангиографии и субарахноидального кровоизлияния [4, 5]. Сравнительная оценка влияния веропамила, дилтиазема, флунарезина, нимодипина и адалата на локальный мозговой кровоток в эксперименте на кроликах выявила наиболее значительное увеличение кровотока под действием нимодипина [2]. Этот препарат, кроме того, предотвращает синдром вторичной постишемической гипоперфузии [8], способствует сохранению мозгового кровотока после окклюзии крупной ветви мозговой артерии [9], уменьшает неврологический дефицит после тотальной церебральной ишемии [7]. Результаты клинических исследований при субарахноидальном кровоизлиянии также подтверждают положительное влияние нимодипина на церебральный кровоток с преимущественным увеличением его в ишемизированном полушарии [6].

В свете выявленных свойств нимо-

дипина и предварительно проведенных исследований представляется целесообразным изучение его клинического эффекта при гипертонических кризах, протекающих преимущественно с церебральной симптоматикой.

Наблюдения проведены у 29 больных с гипертоническими кризами, в том числе у 26 пациентов с гипертонической болезнью и у 3 — с симптоматической гипертензией почечного генеза. Среди обследуемых было 12 мужчин и 17 женщин, средний возраст — 52,7 года. Больные с гипертонической болезнью по стадиям заболевания распределились следующим образом: I — 4 %, II — 92, III — 4 %. В 87 % случаев отмечались признаки острой энцефалопатии в виде головной боли, головокружения, тошноты и рвоты. У 38 % наблюдаемых эти симптомы сочетались с кардинальными жалобами. Преобладал гипо- и нормокINETический тип кровообращения. Повышенное периферическое сопротивление отмечалось в 83 % случаев.

Проводилось мониторирование АД, оценивались параметры центральной гемодинамики по методике Кубичика: удельное периферическое сопротивление сосудов, минутный объем сердца. Изучалась церебральная гемодинамика по методике Палеева и Каевицера [3] с помощью реографа РПГ 2 — 02. Мозговой кровоток оценивался по объемной скорости, реографическому индексу, индексам периферического сопротивления и венозного оттока. Всем пациентам вводился препарат Nimotop S (нимодипин), двум больным с гипертонической болезнью II стадии — дважды. Нимотоп инъецировался медленно с помощью дозатора лекарственных веществ в средней дозе 3 мг со скоростью 0,02 мг/мин.

Применение нимотопа сопровож-

далось отчетливым и достоверным гипотензивным эффектом. Систолическое артериальное давление снизилось на 31 %, а диастолическое — на 25 %. Гипотензивный эффект сочетался с достоверным снижением работы сердца на 25 %. Сердечный индекс имел тенденцию к возрастанию. Удельное периферическое сопротивление сосудов снизилось на 31 %. Объемная скорость мозгового кровотока достоверно возрастала ($p < 0,05$) на 32 %. Между тем нами отмечено снижение объемного мозгового кровотока у 34 % больных, как правило, это пациенты с длительным анамнезом и выраженными склеротическими изменениями сосудов. Наши данные полностью соответствуют приведенным в литературе сведениям о мозаичности мозгового кровотока при острой гипертонической энцефалопатии, что объясняется тремя типами реакций со-

судов головного мозга в ответ на нормализацию повышенного АД [1]. Реографический индекс и индекс периферического сопротивления сосудов существенно не изменялись. Отмечалось повышение индекса венозного оттока на 13 %. Это позволяет говорить о нормализующем влиянии препарата на церебральную гемодинамику.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Нимодипин купирует гипертонический криз, снижая систолическое артериальное давление в среднем на 31 %, а диастолическое — на 25 %, и может быть использован в качестве препарата выбора. Он имеет высокую эффективность при внутривенном введении даже в малых дозах (3 мг).

2. Нимодипин наиболее целесообразно использовать при гипертонических кризах со сниженной скоростью объемного мозгового кровотока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ганнушкина И. В., Лебедева И. Г. Гипертоническая энцефалопатия. М.: Медицина, 1987. 224 с.

2. Грачев Э. М., Караджаева Г. Б. Физиология, патофизиология, фармакология мозгового кровообращения. Тбилиси: Меридиана, 1988. 50 с.

3. Палеев Н. Р., Каевидер И. М., Агафонов Б. В. Независимый способ определения объемной скорости церебрального кровотока и ее соотношений с минутным объемом сердца // Кардиология. 1985. № 1. С. 54 — 57.

4. Auer L. M. Acute surgery of cerebral aneurysms and prevention of symptomatic vasospasm // *Acta Neurochir.* 1983. Vol. 60. P. 273 — 281.

5. Auer L. M. Acute operation and preventive nimodipine improve outcome in patients with ruptured cerebral aneurysms // *J. Neuro-*

surg. 1984. Vol. 15. P. 57 — 66.

6. Grab M. R., Haubitz I., Brawanski A. et al. Acute effects of nimodipine on the cerebral blood flow and intracranial pressure // *Neurochir.* 1985. Vol. 28, Suppl. 1. P. 93 — 99.

7. Grotta J., Pettigrew L. G., Rosenbaum D. et al. The effect and mechanism of action of calcium entry blockers after global cerebral ischemia in rats // *Stroke.* 1988. Vol. 19. P. 447 — 454.

8. Hoffmeister F., Kozda S., Krause H. P. Influence of nimodipine (Bay c 9736) on the postischemic changes of brain function // *Acta Neural. Scand.* 1979. Vol. 6, Suppl. 72. P. 358.

9. Meyer F. B., Sundt T. M., Janagihara T., Anderson R. E. Focal cerebral ischemia: pathophysiologic mechanism and rationale for future avenues of treatment // *Mayo Clin. Proc.* 1987. Vol. 62. P. 35 — 55.

XX

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

КАФЕДРА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ

Свое начало кафедра новейшей истории народов России берет с 1982 года, когда кафедра истории

СССР была разделена на две: дореволюционной отечественной истории и истории советского общества. Первым

заведующим был избран доктор исторических наук профессор С. С. Ивашкин, его сменил доцент Г. И. Лесов, а с 1992 года кафедру возглавил доктор исторических наук профессор В. А. Балашов.

Со дня образования на кафедре работают доценты В. К. Абрамов, И. Е. Автайкин, И. А. Ефимов, А. В. Косихин, Г. И. Лесов, В. С. Тягушев. Они читают лекционные курсы, проводят семинарские занятия, осуществляют руководство написанием дипломных и курсовых работ по новейшей истории Отечества, историографии новейшей истории Отечества, методике преподавания истории, истории Республики Мордовия в новейшее время, экономической истории, количественным методам в исторических исследованиях.

Кафедра ведет специализацию по новейшей истории России и разрабатывает проблему «Этнокультурные и социально-экономические процессы народов Среднего Поволжья и Приуралья». Члены кафедры читают следующие спецкурсы и спецсеминары: «История и современность» (В. К. Абрамов), «Аграрные преобразования в стране в 1917 — 1930 годах» (И. А. Ефимов), «Культурное строительство в деревне: 1917 — 1941 годы» (И. Е. Автайкин), «Мордовия в годы Великой Отечественной войны» (В. С. Тягушев), «Проблемы возрождения национальной культуры народов Урало-Поволжья» (П. Д. Грузнов), «Зарубежная историография истории мордовского народа и края» (В. А. Юрченков), «Подготовка сельских кадров в Мордовии» (Г. И. Лесов), «История электрификации сельского хозяйства республик Среднего Поволжья» (А. В. Косихин).

Сотрудники кафедры большое значение придают научной работе. Профессор В. А. Балашов исследует этнокультурные процессы на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Он член редколлегии журнала «Финно-угроведение», имеет более 70 публикаций, в том числе монография: «Культура и быт мордовского

колхозного села» (Саранск, 1975), «Облик современной семьи: социально-демографические и этнические аспекты» (Саранск, 1987, в соавторстве), «Народы Поволжья и Приуралья» (Москва, 1985, в соавторстве), «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье» (Чебоксары, 1991, в соавторстве), «Бытовая культура мордвы: традиции и современность» (Саранск, 1992).

Доцент И. А. Ефимов свои научные изыскания посвящает проблемам гражданской войны и аграрным преобразованиям в первые десятилетия советской власти. Его перу принадлежит свыше 25 работ. В их числе «История советского крестьянства Мордовии» (Саранск, 1987, в соавторстве), «Аграрный строй Поволжья накануне 1917 года: историография, проблемы и методы исследования» (Саранск, 1989).

Доцент И. Е. Автайкин занимается историей периодической печати и культурного строительства в Мордовии. Он автор свыше 50 публикаций, в том числе «Периодическая печать Мордовии в годы социалистического строительства» (Саранск, 1975), «Газетный и журнальный мир Мордовии» (Саранск, 1978), «Библиография по истории Мордовии» (Саранск, 1976, в соавторстве).

Научные интересы доцента В. К. Абрамова связаны с изучением социально-политических проблем мордовского народа в XX веке. Его труды «Математические методы в исторических исследованиях» (Саранск, 1988), «Корреляционный анализ в исторических исследованиях» (Саранск, 1990), «По следу времени» (Саранск, 1991) вызвали интерес широкого круга читателей.

Процессы электрификации Мордовии и республик Поволжья — сфера научной деятельности доцента А. В. Косихина. Его работы раскрывают развитие энергетики и международные связи в регионе.

Изучению роста культурно-технического уровня тружеников села республики, подготовки специалистов

сельского хозяйства посвящены научные работы Г. И. Лесова.

Кандидат исторических наук В. С. Тягушев изучает довоенную историю Мордовии, ее участие в Великой Отечественной войне.

Члены кафедры принимали активное участие в написании «Истории Мордовской АССР» (Саранск, 1980), «Очерков истории Мордовской организации КПСС» (Саранск, 1979), «Истории Мордовской АССР» (учебное пособие) (Саранск, 1976). Выпущен сборник статей «Проблемы аграрной истории Поволжья в переходный период» (Саранск, 1988).

Кафедра постоянно расширяет и укрепляет научно-педагогические связи с родственными кафедрами вузов России, стран СНГ, академическими институтами, вузами Венгрии, Финляндии. С кафедрой активно сотрудничают академики И. И. Минц, М. П. Ким, Ю. С. Кукушкин, члены-корреспонденты РАН С. А. Арутюнов, М. Н. Губогло, профессора Д. С. Бабурин, В. З. Дробижев, В. И. Козлов, В. Пименов.

Важными формами укрепления на-

учных связей кафедры являются участие в международных, всероссийских, региональных, межвузовских научных конференциях, обмен методической литературой, повышение квалификации, стажировки, руководство аспирантами, докторантами, организация защиты кандидатских и докторских диссертаций. Оппонентами диссертаций выступили профессор В. А. Балашов, доценты И. Е. Азтайкин, И. А. Ефимов. Кафедра выдвигалась ведущей организацией по защите ряда диссертационных работ. Только в последние годы члены кафедры В. А. Балашов, И. А. Ефимов, В. К. Абрамов участвовали в международных финно-угорских конференциях (Будапешт, Дебрецен - Венгрия, Оулу - Финляндия).

Лицо кафедры определяет квалифицированный состав преподавателей, имеющих ученые степени и звания. Из 7 ее членов один доктор исторических наук, профессор, 6 кандидатов исторических наук, доцентов. Все они имеют большой стаж работы в вузе и школе. Это позволяет успешно решать задачи, стоящие перед кафедрой.

И. Е. АВТАЙКИН. кандидат исторических наук.

[illegible]

Г. К. УЛЬЯНОВ: НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Одной из важных страниц истории международного социалистического движения является изучение истории консолидации интернационалистских сил в Циммервальдской левой в борьбе против социал-шовинизма и центристской оппозиции в период первой мировой войны. Исследования советских историков (Я. Г. Темкин, Н. Е. Королев и др.) говорят о том, что на Кинтальской социалистической конференции 1916 г. Циммервальдскую левую (В. И. Ленин, И. Арманд, Г. Е. Зиновьев, Ф. Плatten, В. Мюллерберг и др.) по отдельным

вопросам поддерживали представите-
ли партии социалистов-революционе-
ров, ее интернационалистского крыла.
Их было трое, но кроме М. А. Патав-
сона-Боброва фамилии остальных бы-
ли неизвестны. Они скрывались под
псевдонимами Власов и Савельев.
Празда, в некоторых источниках на-
зывается имя В. М. Чернова. Нам уда-
лось установить еще одно: Григорий
Карпович Ульянов (1864 — 1943).

В архиве музея МГПИ им. Евсевьева хранятся материалы, связанные с революционной и научно-педагогической деятельностью Г. К. Ульянова, доку-

Ленты из семейного архива. В их числе доклад Г. К. Ульянова на Кинтальской конференции. Это 26 страниц рукописного текста. На обложке надпись: «Доклад в Comité de secours intellectuels Russe. Женева, 1916». В докладе подробно излагаются основные дискуссии, дан анализ расстановки сил, принятых документов, однако почти не отражены взгляды представителей Циммервальдской левой. Не исключено, что такой была задача доклада. Представляет интерес прежде всего то, что большинство суждений Г. К. Ульянова близко по своей сути к ленинским оценкам и отражает, вероятно, позиции эсеро-интернационалистов.

Кто же такой Григорий Карлович Ульянов? Уроженец мордовского села Кулясово (Саратовская губ.), человек интересной и сложной судьбы. Питомец Вольской учительской семинарии. Ульянов был лишен права преподавания в школе за «скрамольные» беседы с крестьянами. Переехав в Саратов, он занимается земской деятельностью, а затем, облизившись с находившимся в саратовской ссылке М. А. Натансоном, включается в революционную работу. В «Воспоминаниях о М. А. Натансоне» Ульянов пишет об огромном влиянии, которое оказал на него «детиче глухой мордовской деревни» (Каторга и ссылка. 1932. № 4 (89). С. 62 — 76).

После неоднократных арестов за участие в демонстрациях и организацию крестьянских восстаний Ульянов в 1906 году был сослан в Сибирь. В Тюменской тюрьме его застала весть об избрании в I Государственную думу от крестьян Саратовской губернии. Это определяло его решение. В думе Ульянов вошел в Трудовую группу и стал одним из лидеров ее революционного крыла. Он участвовал в разработке многих проектов аграрной реформы. Ему как редактору журнала «Дело народа» за активную внедумскую деятельность были предъявлены обвинения, требовавшие лишения парламентской неприкосновенности. В результате бурных дебатов

1 июня 1906 года дума отклонила это требование. После ее роспуска Ульянов был вынужден уйти в подполье, а после разгона II Государственной думы в 1908 году — эмигрировать во Францию, а затем в Швейцарию.

В годы первой мировой войны Г. К. Ульянов занял интернационалистские позиции. Совместно с большевиками он был учредителем Комитета интеллектуальной помощи русским военнопленным. Как писал Ульянов в неопубликованной автобиографии, датированной 1926 годом, «в апреле 1916 года в качестве представителя интернационалистского течения П.С.Р. и нашей организации участвовал совместно с покойным М. А. Натансоном-Бобровым в Кинтальской конференции». «Для отчета комитету и был составлен доклад, о котором говорилось выше.

До 1910 года Г. К. Ульянов был членом ЦК партии эсеров, однако вышел из него из-за «конпортунистического характера» деятельности. Много публиковался в России и в зарубежных изданиях (псевдоним Иван Деревенский). В Париже была издана его брошюра «Письма на родину депутата-трудовика». Он редактировал журнал «На чужбине», выходивший в Женеве до мая 1917 года. Тогда же вернулся на родину Саратовщину, был избран депутатом Учредительного собрания, однако в его заседаниях не участвовал. После революции Ульянов активно участвовал в создании Советов, входил в их состав. В этот же период вступил в партию левых эсеров, был делегатом учредительного съезда и по его решению был вызван в Москву для работы в газете. «Но в это время, — пишет он в автобиографии, — совершилось неслучайное убийство германского посла Мирбаха, и я вышел из партии Л.С.Р.». В одной из анкет 1920 года Ульянов называет себя сочувствующим «революционному коммунизму».

В 1918 году Г. К. Ульянов становится сотрудником Наркомпроса и целиком посвящает себя делу просвещения, и в первую очередь развитию

народного образования и культуры мордовского народа. Он возглавлял Мордовский подотдел Наркомпроса, Мордовское бюро Совета национальных меньшинств, был ответственным секретарем еженедельника «Народное просвещение». В последующие го-

ды он активно продолжал научную, публицистическую деятельность. Умер Г. К. Ульянов в 1943 году в г. Климовске. Таковы веки биографии Г. К. Ульянова — одного из ранее неизвестных участников Кинтальской конференции, представлявших Россию.

М. Т. БИБИН, кандидат филологических наук,
Е. Г. ОСОВСКИЙ, доктор педагогических наук

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ И КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ / РЕДКОЛ.: В. А. БАЛАШОВ (ОТВ. РЕД.) И ДР. — САРАНСК: ИЗД-ВО МОРДОВ. УН-ТА, 1994. — 220 С.

Авторский коллектив впервые в отечественной высшей школе взялся за весьма ответственную и необычную задачу — обобщение и анализ материалов, посвященных нетрадиционным методам обучения и контроля качества знаний при подготовке современного специалиста высшей квалификации.

В сборнике приведены результаты исследований, проводимых в Мордовском, Саратовском, Казанском, Ярославском, Калининградском университетах и других вузах России, посвященных разработке и анализу новых методических и организационных форм и приемов, соответствующих глубокой реформе высшего образования в стране.

Существенно важным является то, что в решение проблемы рационализации обучения наряду с психологами и педагогами активно включились математики, инженеры, химики, биологи и другие специалисты. Их участие не только увеличило число исследований и обеспечило массовость проводимых экспериментов, но и позволило взглянуть на эту проблему с разных научных направлений, что придает решаемой задаче статус объективности с точки зрения как ее постановки, так и предполагаемых путей решения. Психолог оптимизирует задачу по минимуму запоминаемой информации, математик — по ее рациональ-

ности, инженер — по структуре подачи с точки зрения автоматизации учебного процесса и внедрения современных технологических средств построения различных моделей процесса обучения.

Сегодня в условиях демократизации общества, а следовательно, и учебного процесса перед вузами стоит задача выработки новых подходов к повышению эффективности обучения на базе создания и внедрения новых индивидуальных технологий на каждом направлении, на каждой специальности. Многие концептуальные составляющие различны в подготовке не только врачей и обществоведов, но даже инженеров одной специальности на разных специализациях, что должно обязательно учитываться при формировании системы знаний современных специалистов.

Такого рода педагогические проблемы рассматриваются в каждой работе сборника, начиная с постановочной статьи первого проректора Мордовского университета профессора В. А. Балашова «Новацки не ради новаций» и заканчивая результирующей статьей ученых Пермского университета «Расчет рейтинга преподавателя на основе рейтинга обучаемых» (А. А. Калмыков, П. Н. Саложников, С. В. Пьянков).

Необходимо отметить, что многие статьи сборника непосредственно или

косвенно посвящены анализу состояния компьютеризации учебного процесса. В статье инспектора учебного отдела З. Я. Якупова и заведующего кафедрой информатики и вычислительной техники Мордовского университета В. Д. Ширнева вскрываются причины невосприятия многими преподавателями компьютерных технологий в учебном процессе, такие, как, пассивность части педагогов в освоении компьютерных технологий из-за их слабой подготовки; нередко более высокая подготовка студента к работе с компьютерами, полученная им в школе, что воспринимается как некий вызов авторитету педагога; слабая оснащенность программными средствами; нехватка компьютеров и их недостаточная надежность.

В работе Р. А. Блохиной рассматриваются основные аспекты создания

и развития компьютерных предметных сред и эффективности их применения в учебном процессе; приводятся требования к их функционированию, основное из которых — высокая компьютерная культура педагога.

В статье С. А. Панфилова и Н. Р. Некрасовой описана их собственная разработка — обучающе-контролирующая система для инженерных и гуманитарных дисциплин.

В заключение можно отметить, что рассмотренные в сборнике нетрадиционные формы и методы обучения и контроля качества знаний студентов помогут выработке нового концептуального подхода к повышению эффективности обучения на базе создания и внедрения новых технологий на каждом направлении и по каждой специальности высшей школы.

Ю. А. ВАНТЮСОВ, доктор технических наук

АРСЕНТЬЕВ Н. М. ЗАМОСКОВНЫЙ ГОРНЫЙ ОКРУГ:
ЗАВОДОВЛАДЕЛЬЦЫ И РАБОЧИЕ. — САРАНСК: ИЗД ВО
МОРДОВ. УН-ТА, 1994. — 236 с.

В условиях глубоких перемен, происходящих в нашей стране, с особой остротой встает вопрос о содержании и направленности исторических исследований. Формирование исторического сознания, воспитание уважительного отношения к опыту предшествующих поколений, развитие интереса к изучению прошлого — задачи, которые стремятся разрешить сегодня ученые. Выход в свет монографии Н. М. Арсентьева «Замосковский горный округ: заводовладельцы и рабочие» был воспринят общественностью с удовлетворением. Республика получила книгу, содержащую емкое изложение событий рубежа XVIII — XIX столетий с позиций, основанных на принципах историзма и научной объективности. Прделав большую и трудоемкую работу, автор стремился учесть последние достижения исторической науки, уйти от идеологизиро-

ванных подходов при анализе фактов.

Введение работы привлекает внимание к такой кардинальной проблеме теории и методологии истории, как понимание и объяснение в контексте рассмотрения исторической науки комплексного знания с точки зрения и предмета истории, и метода исторического познания. Речь идет о гносеологической ценности квантификационного подхода в выявлении общих тенденций и закономерностей истории, его высокой конкурентоспособности по сравнению с интуитивно-интерпретационными методами.

Издание включает три раздела: «Предприниматели и предпринимательство», «Горнозаводское население», «Классовое согласие или социальный конфликт». В работе предпринята попытка по-новому взглянуть на конкретные проблемы истории России конца XVIII — XIX века с помощью

использования количественных методов и математического моделирования. Основные особенности содержания книги — постановка общих проблем методологии исследований, выполненных в контексте «количественной истории», концептуальный характер ряда разделов, значительность исторической интерпретации полученных итогов, восполняющих некоторые существенные лакуны в историографии истории крепостной России.

Привлекают внимание концептуальные построения Н. М. Арсентьева, который связывает развитие российского общества на рубеже столетий с его модернизацией, своеобразно наложенной на традиционные типы хозяйственной этики и существующие производственные отношения. Он отказывается от устоявшейся и в какой-то мере классической схемы этого процесса и приходит к вполне обоснованному выводу о существовании российской модели индустриализации. Н. М. Арсентьев пишет: «Если в других европейских странах промышленный сектор развивался естественным путем, независимо от государства, то в Российской империи он полностью находился под контролем государства и в значительной степени зависел от стратегических задач правительства» (с. 187 — 188).

Изучение металлургической промышленности России имеет прочную историографическую традицию (В. К. Яценский, П. И. Павленко и др.). Н. М. Арсентьеву удалось не только продолжить ее, но и существенно развить, добиться качественной «прибавки» при исследовании вполне конкретной проблемы. Он показал достаточно жесткую связь ситуации в металлургии страны с политикой правительства, указал на наличие высоких прибылей заводчиков при существовавшей системе организации производства. Это позволило избежать традиционного выявления элементов «новых» отношений внутри «старой» системы, их абсолютизации.

Идея своеобразия исторического

пути России пронизывает монографию Н. М. Арсентьева. Она обосновывается материалами по экономическому развитию, данными по социальной структуре населения изучаемого региона. Исследователь показывает новые категории, «взламывающие» социальный облик феодальной страны, однако эта «ломка» идет совершенно по-иному, не так, как в Западной Европе. Наблюдается достаточно специфическое явление — «социальные отношения между заводоладельцами и рабочими на замосковских металлургических заводах основывались на традициях феодальной христианской этики и новой трудовой мотивации, сочетающей элементы обязательного труда с взаимовыгодным интересом участников производства» (с. 188).

Специфика российской действительности породила, по мнению Н. М. Арсентьева, противоречие между процессом модернизации и ценностными ориентирами общества. Оно несколько задержало, но не остановило развития Российской империи.

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является ее источниковая база, позволившая применить математическую методiku. Автором были проанализированы документы 26 фондов архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Владимира, Саранска, Тамбова, Пензы. Привлекались и опубликованные материалы.

Отмечая несомненные достоинства книги Н. М. Арсентьева, необходимо выразить и некоторые пожелания. На наш взгляд, в текст отдельных глав можно было бы внести элементы генеалогического исследования, показав читателю эволюцию предпринимательских или рабочих родов. При анализе ментальности предпролетариата, вероятно, необходимо привлечение фольклорного материала.

Монография Н. М. Арсентьева представляет интерес не только для специалистов-историков, но и для широких кругов читателей, которым небезразлична история Отечества.

А. П. ЛЕБЕДЕВ, В. А. ЮРЧЕНКОВ, кандидаты исторических наук

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1992 г. Издательство Мордовского университета выпустило сборник «М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность» (отв. ред. А. Ф. Еремеев). Сборник вызвал большой интерес.

Обозрение культуры [Самара]. 1993. № 4. С. 27-28.

«"Вписывание" в другого человека. Сборник «М. М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность» в цитатах. Действительно, такую интересную по форме рецензию на книгу встретить редко. Тем не менее редактор «Обозрения...» Н. А. Огудина сумела представить концептуально один из многих аспектов творчества Бахтина в авторской выкладке — проблему восприятия художественного произведения, творчества и сотворчества».

Международная ассоциация эстетики [Братислава, Словакия]. 1994. № 6. С. 6-7 (на англ. яз).

Г. К л и м о в а. Продолжение исследований Бахтина.

«Исследования... творчества Бахтина... сегодня стало очень важной и актуальной задачей. К счастью, это поняли не только в Москве, Петербурге, Екатеринбургe, но и в таких малых городах, как Витебск и Саранск. В Саранске, где Бахтин провел большую часть своей жизни, хотя и существовала традиция изучения его работ, она была ограничена рамками филологических наук».

Библиотека. 1994. № 18. С. 66-67.

Р. Петрова. Диалог продолжается. Идеи и книги М. Бахтина. (Презентация.)

«Сборник... выразил новую тенденцию в трактовке идей Бахтина... их действительно философскую сущность».

Хорошо, когда под одной обложкой собраны статьи, авторы которых умеют не только соглашаться, но и спорить друг с другом, чем и примечателен этот сборник».